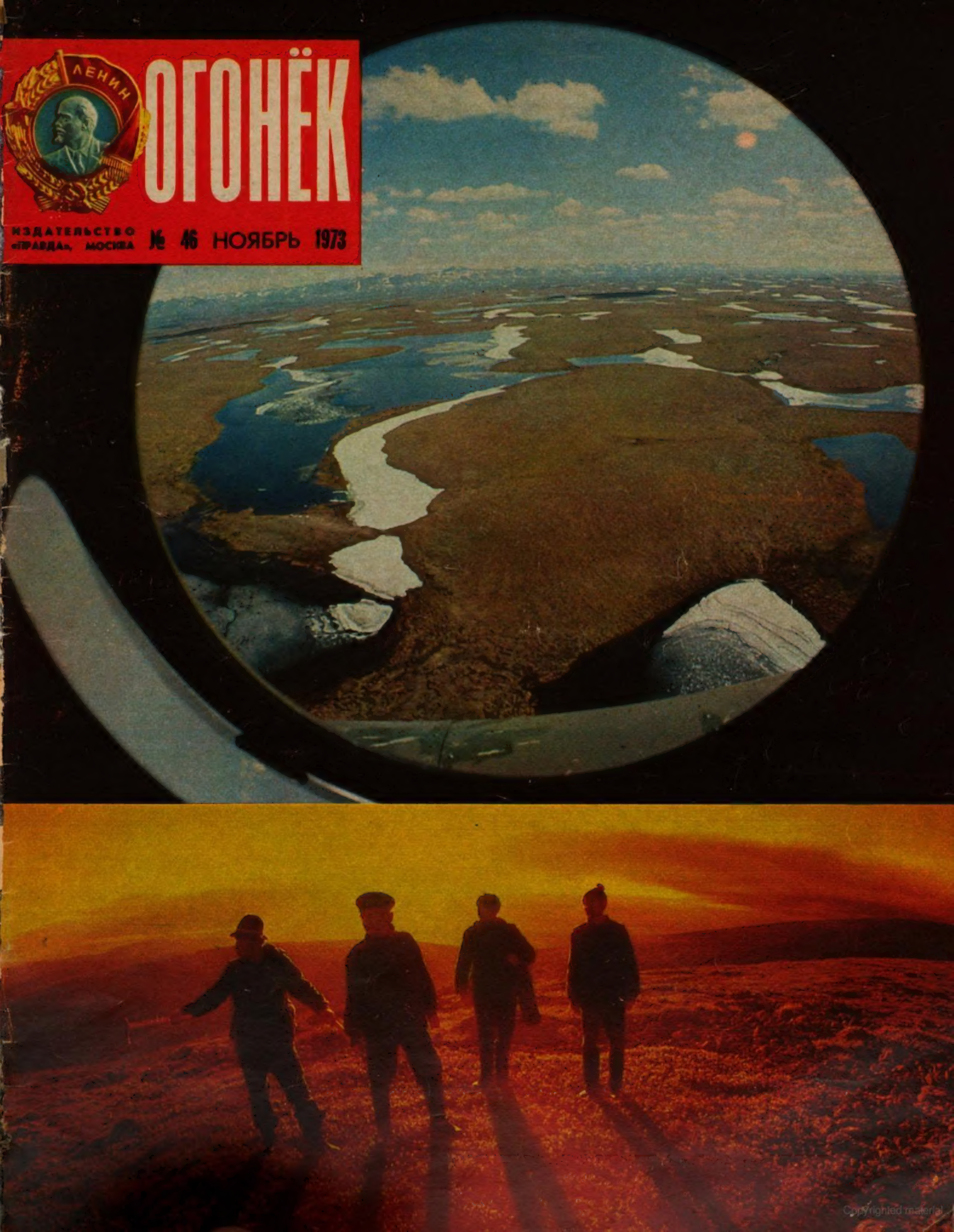

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 46 НОЯБРЬ 1973

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩ

АДЬ, 7 НОЯБРЯ 1973 ГОДА

В президиуме торжественного заседания, посвященного 56-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Фото А. Гостева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 46 (2419)

10 НОЯБРЯ 1973

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ,

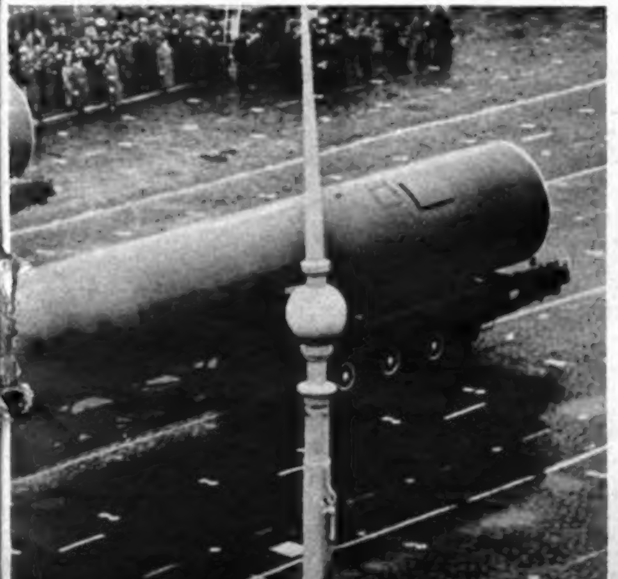

7 НОЯБРЯ 1973 ГОДА

Репортаж с Красной площади вели: А. Бочинин, А. Гостев, А. Награльян, Л. Шерстенников.

Во время дружеской встречи в Кремле. Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

С ДРУЖЕСКИМ ВИЗИТОМ

По приглашению Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР в Москве 2—3 ноября с кратковременным дружеским визитом находился Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Тодор Живков.

2 ноября в Кремле между партийными и государственными деятелями Советского Союза и Народной Республики Болгарии состоялась дружеская встреча, в которой приняли участие:

с советской стороны — Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, член ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС К. В. Русаков;

с болгарской стороны — Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Т. Живков, член Политбюро ЦК БКП, заместитель Председателя Совета Министров НРБ П. Кубадинский, член ЦК БКП, министр иностранных дел НРБ П. Младенов, первый заместитель министра народной обороны НРБ А. Семерджиев, член ЦК БКП, председатель Союза болгарских писателей П. Зарев, член ЦК БКП, помощник Первого секретаря ЦК БКП М. Балев, член ЦК БКП, посол НРБ в СССР Д. Жулев.

Встреча советских и болгарских партийных и государственных деятелей прошла в сердечной, дружеской обстановке и характеризовалась полным взаимопониманием и единством взглядов по всем обсуждавшимся вопросам.

3 ноября Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Тодор Живков отбыл на родину.

На аэродроме, украшенном государственными флагами НРБ и СССР, болгарских товарищей провожали Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев и другие официальные лица.

ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС МИРОЛЮБИВЫХ СИЛ

Заключительное заседание Всемирного конгресса миролюбивых сил.

В движении сторонников мира было много разных событий. Но Московский конгресс — одна из самых ярких страниц этого движения. Делегаты конгресса вечером 31 октября собрались в Кремлевском Дворце съездов на свое заключительное заседание, которое открыл президент конгресса Ромеш Чандра.

Председатель руководящего комитета конгресса Ш. Макбрайд зачитал подготовленный и одобренный комитетом документ «Обращение Всемирного конгресса миролюбивых сил». Делегаты конгресса единодушно приняли это обращение. Руководящий комитет единогласно принял и представил на рассмотрение конгресса заявление об осуществлении резолюций Совета Безопасности ООН от 22 и 23 октября 1973 года. Делегаты конгресса единодушно одобрили это заявление.

Председатель Советского комитета содействия конгрессу М. В. Зимянин зачитывает подготовленное руководящим комитетом коммюнике Всемирного конгресса миролюбивых сил «За международную безопасность и разоружение, за национальную независимость, сотрудничество и мир». Делегаты конгресса одобряют это коммюнике.

Выступают делегаты конгресса, давая высокую оценку деятельности конгресса, тому вкладу, который он внесет в дело всемирной борьбы за мир. Представители различных делегаций с чувством огромной благодарности говорили о Советском Союзе, его неоценимом вкладе в борьбу народов за мир, свободу и независимость.

Отвечая на эти выступления, М. В. Зимянин сказал:

— На нашем конгрессе было вновь сказано много доброго о Советском Союзе, политике Коммунистической партии, Советского государства, о деятельности Леонида Ильича Брежнева, направленной на упрочение мира, безопасности и дружбы народов. Советская делегация выражает вам за все это сердечную признательность.

Президент конгресса, генеральный секретарь Всемирного Совета Мира Ромеш Чандра, обращаясь с заключительным словом к участникам всемирного форума миролюбивых сил, заявил, что конгресс вновь продемонстрировал горячее стремление всех народов к миру на планете. Конгресс убедительно показал, что посланцы мира могут и должны работать сообща, рука об руку. Вот почему конгресс в Москве может быть с полным основанием назван конгрессом единства, конгрессом единомышленников — людей, у которых общая благородная цель — счастье всего человечества. Р. Чандра горячо благодарит организаторов конгресса, выражает глубокую благодарность советскому народу, лично Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Ильичу Брежневу.

В «Призыве Всемирного конгресса миролюбивых сил» говорится: «Разум и доверие должны восторжествовать на земле. Они могут восторжествовать. Это зависит от каждого из нас».

Фото А. ГОСТЕВА и А. НАГРАЛЬЯНА.

МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ СОЛОМЕНЦЕВ
К 60-летию со дня рождения.

БИТВА НА ДНЕПРЕ

Маршал Советского Союза,
заместитель министра обороны СССР
К. С. МОСКАЛЕНКО

Сражение за Днепр и освобождение Киева вошли яркой страницей в летопись славных побед Красной Армии. Вместе с другими наступательными операциями 1943 года у Волги и Дона, под Курском и на Кавказе они явились блестящим продолжением разгрома и изгнания врага с территории нашей Родины.

Шел сентябрь сорок третьего года. Войска Воронежского фронта подходили к Днепру. Позади уже пролегло свыше трехсот километров освобожденной земли, пройденной с непрерывными боями от рубежей Курской дуги. Только 40-я армия, которой мне довелось командовать, в том памятном наступлении освободила Тростянец и Лебедин, Гадяч и Лубны, Пирятин и Лохвицу. С болью смотрели бойцы на руины домов, на спаленные поля, на почерневшие кирпичные трубы, стоящие, словно памятники, на месте сожженных деревень.

В ночь на 22 сентября дивизии 40-й армии вышли у букринской излучины к днепровскому берегу. Левее — танкисты генерала Рыбалко. И хотя именно эта дата выхода на Днепр приводится во всех исторических справочниках, необходимо уточнить ее и рассказать о передовом отряде 309-й стрелковой дивизии генерал-майора Д. Ф. Дремина. Этот отряд, в который вошел 2-й стрелковый батальон 957-го полка, под сильной бомбежкой прорвался на машинах через вражеские порядки и в результате стремительного рейда достиг Днепра еще в 22.00 20 сентября. Он оказал большую помощь штабу армии, произведя разведку берега, переправ и мест сосредоточения войск.

В эти дни Ставка поставила задачу — с ходу, без оперативной паузы начать форсирование Днепра. Было известно, что враг лихорадочно укрепляет правый берег, воздвигая по нему стратегический рубеж обороны, названный в гитлеровской ставке «Восточным валом». За Днепром фашисты намеревались отсидеться, привести в порядок свои отступающие войска, преградить путь Красной Армии на Правобережную Украину. Этот рубеж был объявлен Гитлером последним рубежом отхода немецких войск. Но мы не собирались давать врагу желанную передышку. «Даешь Днепр!» — эти крылатые слова жили в сердце каждого воина.

Военный совет фронта обратился к войскам с воззванием: «Славные бойцы, сержанты и офицеры! Перед вами — родной Днепр. Вы слышите плеск его седых волн. Там, на его западном берегу, древний Киев — столица Украины. Вы пришли сюда, на берег Днепра, через жаркие бои, под грохот орудий, сквозь пороховой дым... Сегодня наш путь — через Днепр. Окиньте взглядом берег, что стоит перед вами. Там Киев, украинская земля, там дети и жены, отцы и матери, братья и сестры. Они ждут вас!»

На берегу кипела работа. С необыкновенной быстротой и поразительной изобретательностью изготовлялись переправочные средства. В дело шло все: бревна, доски, бочки. Сколотив плоты, бойцы под огнем врага спускали их на воду. Хочу еще раз сказать огромное спасибо жителям прибрежных деревень. Они выискивали и подвозили строительные материалы, мастерили лодки, а если требовалось, то и разбирали свои ветхие дома. «Гоните фашистов, а мы все отстроим»,— говорили они.

Как яркий пример единства нашего народа и его армии, я всегда вспоминаю строительство моста на плацдарм у Великого Букрина. Пришло свыше двух тысяч добровольцев. Они помогали саперам возводить мост под градом осколков, под бомбами пикирующих на них «юнкерсов». И хотя свыше ста пятидесяти человек было ранено и многие погибли, никто из них не ушел, не бросил работу.

Ветераны 40-й армии, наверное, навсегда сохранят в памяти ночь на 23 сентября 1943 года — начало массового форсирования Днепра.

Вместе с членом Военного совета генералом К. В. Крайнюковым я провожал первую штурмовую группу. Два плота и три лодки... На них разместились бойцы стрелковой роты младшего лейтенанта М. Б. Ивенкова. Им предстояло идти первыми.

И вот в темноте прозвучал негромкий, почти будничный голос: «Отчаливай!» Скрипнули уключины, кто-то с плеском оттолкнулся багром. Так это начиналось...

Над Днепром стояла удивительно тихая ночь. Светомаскировка на нашей да и на вражеской стороне была безупречной, только иногда вздымались над немецким берегом белые вспышки осветительных ракет. Томительно текли минуты. Мы знали, что вряд ли отряду удастся пересечь реку незамеченным. Так и есть — над рекой вспыхнули осветительные огни. Отчетливо стали видны лодки и плоты, хотя они находились уже ближе к тому берегу. Как же хорошо должен был их видеть враг! Дробно разнеслась первая пулеметная очередь. Сливаясь в единый гул, зазвучали над водой тысячи выстрелов. Мы видели, как протянулись от берега трассирующие нити пуль, сходясь веером над десантниками. Нет, бойцы не повернули назад, они гребли изо всех сил, только пригнулись в своих суденышках.

Над встревоженным Днепром ударили вражеские пушки. Фонтаны воды поднялись на пути роты Ивенкова. Одна из лодок была подброшена над водой взрывом и разбита в щепки. Но права пословица: смелость города берет... Мы увидели взвившуюся вверх долгожданную красную ракету, означающую, что десантники высадились на правом берегу. И тогда на лодках, плотах, бревнах, а иногда и просто на плащ-палатках, набитых соломой, двинулись через вспененную разрывами реку бойцы передовых батальонов.

История войн еще не знала столь решительного форсирования такой крупной преграды, как река Днепр. Войска 40-й армии начали переправу с ходу, не дожидаясь ни отставших тылов, ни табельных переправочных средств. Лишь высочайший массовый героизм да русская солдатская смекалка были помощниками в этот трудный день переправы.

Более двадцати плацдармов было создано Красной Армией на огромном фронте от реки Припять до Запорожья. Немецкому командованию пришлось распылить свои силы в попытке блокировать эти плацдармы. Только наш, Букринский плацдарм притянул к себе десять дивизий противника. Бессчетное количество раз пытались здесь гитлеровцы сбросить в Днепр воинов 40-й и 3-й танковой армий, но наши солдаты стояли насмерть.

Беспримерное мужество проявил заместитель командира полка капитан В. С. Петров. В течение нескольких дней артиллеристы вместе с пехотой отбивали яростные атаки противника. У орудий оставалось по одному-два человека. Петров лично руководил ведением огня. Когда вражеские танки вывели из строя один из расчетов, Петров бросился к орудию и продолжал вести огонь по противнику. Вскоре Петров был тяжело ранен в руки, но поле боя не покинул, пока не была отбита атака.

Врачи спасли жизнь героя, однако были вынуждены ампутировать ему обе руки. Но он вернулся в свой полк, дошел до Берлина и за бои на подступах к нему получил вторую Золотую Звезду.

Большую работу в войсках проводили политорганы, партийные и комсомольские организации под руководством боевых, опытных членов Военных советов К. В. Крайнюкова, Н. Т. Кальченко, А. А. Епишева и других.

На участке 38-й стрелковой дивизии противник предпринял яростную контратаку при поддержке 40 танков и 80 самолетов. После двухчасового боя, понеся большие потери, один из стрелковых батальонов начал отходить к берегу. Нависла угроза выхода врага в тыл частям дивизии. Тогда прозвучал пламенный призыв заместителя командира батальона по политчасти старшего лейтенанта И. Г. Тарадейко: «Товарищи! Отступать некуда — позади в трех километрах Днепр! Лучше смерть, чем позорное отступление за Днепр». Замполит поднялся во весь рост и с возгласом «За Родину!» повел за собой весь батальон. Враг был отброшен.

За успешное форсирование Днепра, стойкость и мужество, проявленные при захвате и удержании плацдармов, 2 438 воинов получили высокое звание Героя Советского Союза.

«Киев стоит перед глазами отважных бойцов,— писала 17 октября 1943 года газета «Правда»,— Киев стоит и перед глазами всего нашего народа. Первая столица Украины, он ждет в огне и дыму того торжественного часа, когда Красная Армия, изгнав немцев, вернет ему святые права и всенародный почет».

В октябре наши войска начали наступление с Букринского плацдарма. 40-я и 3-я гвардейская танковая армии пытались пробить оборону гитлеровцев и выйти к Киеву с юга. Много дней гремели яростные, кровопролитные бои, но ожидаемого успеха достичь не удалось. Враг стянул к букринской излучине все резервы, создал здесь прочную, глубоко эшелонированную оборону. Сильно пересеченная местность не позволила широко применить танковые соединения. Но командование нашего фронта, который с 20 октября стал называться 1-м Украинским, намечало нанести новый удар.

Помню, в полдень 23 октября к нам на НП, откуда мы с П. С. Рыбалко и А. А. Епишевым руководили боем, приехал Н. Ф. Ватутин. В этот момент его вызвал к аппарату ВЧ Сталин. Верховный приказывал прекратить наступление и предлагал сделать рокировку 3-й танковой армии и всех частей усиления 40-й на Лютежский плацдарм. Сказал, что проделать это необходимо скрытно. Словом, врага надо обмануть.

Через несколько дней по решению Ставки и приказу командующего фронтом я отбыл на Лютежский плацдарм принимать 38-ю армию. Вместе со мной на новое место службы были направлены двое близких мне боевых товарищей: Алексей Алексеевич Епишев, ставший членом Военного совета 38-й армии, и Александр Григорьевич Батюня, назначенный моим заместителем.

И вот мы на командном пункте в селе Ново-Петровцы. На подготовку наступления остались считанные дни. Еще в пути идущий от Великого Букрина артиллерийский корпус прорыва. Форсированными ночными маршами движется по левому берегу 3-я танковая. На Букринском плацдарме вместо этих соединений оставлены макеты танков и орудий, работают радиостанции ложных командных пунктов. Враг не должен знать о переброске войск и техники под Лютеж! Этой труднейшей, скрытной перегруппировкой руководил заместитель командующего фронтом генерал-полковник А. А. Гречко.

Прорыв к Киеву я решил осуществить на узком шестикилометровом фронте, что позволило создать небывалую по тем временам плотность артиллерии. В полосе 50-го стрелкового корпуса генерала С. С. Мартиросяна стояло свыше четырехсот орудий на километр, не считая гвардейских минометов. Это огромная сила.

Приказом по армии в первый эшелон были поставлены три корпуса — два стрелковых и 5-й гвардейский танковый генерал-лейтенанта А. Г. Кравченко. Не менее сильным был и второй эшелон. Для решительных действий по развитию успеха в тылу 38-й армии стояли 1-й гвардейский кавкорпус и 3-я танковая армия генерала Рыбалко.

29 октября 1943 года. Генерал армии Н. Ф. Ватутин (в центре), **генерал-лейтенант П. С. Рыбалко и генерал-полковник К. С. Москаленко** (справа).

Быстро летели последние часы перед боем. В 5 часов утра 3 ноября я доложил командующему фронтом о готовности вверенных мне войск к наступлению. В 8 часов я подал сигнал, и в воздухе грозно и раскатисто прогрохотал тысячеголосый залп. 40 минут гремели орудия. Над южной стороной Лютежского плацдарма поднялась черная стена дыма.

Оборона противника была буквально сметена артиллерийским смерчем. Поднявшиеся в атаку пехотные соединения продвинулись вперед больше чем на два километра, не встретив сопротивления. Так, 167-я дивизия генерала И. И. Мельникова беспрепятственно прошла через искореженные вражеские траншеи до района Дачи Пуща-Водица. Только здесь начались контратаки врага.

Становилось очевидным, что наше наступление застало гитлеровцев врасплох. В немецких штабах еще ждали главного удара с Букринского плацдарма. Нашу перегруппировку под Лютеж они прозевали. Это подтвердил впоследствии и командующий группой «Юг» фельдмаршал Манштейн. Свои безрадостные воспоминания о тех днях он выразил так: «Было неясно,*имеет ли это наступление далеко идущие цели, или противник пока пытается занять западнее Днепра необходимый ему плацдарм. Вскоре оказалось, что 4-я танковая армия не может удержать своей полосы на Днепре».

Вал нашего наступления неотвратимо приближался к Киеву. Огромную помощь наземным войскам оказывала 2-я воздушная армия генерал-лейтенанта С. А. Красовского. Удары наносились по траншеям и дотам, по подходящим вражеским резервам. Наши штурмовики, атакуя врага на бреющем полете, вносили смятение в гитлеровские порядки. Читателю будет интересно узнать, что на одном из самолетов «ИЛ-2» в составе 5-го штурмового корпуса расчищал путь нашей пехоте старший лейтенант Георгий Тимофеевич Береговой, ныне летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза.

С утра 4 ноября была введена в сражение 3-я гвардейская танковая армия. Это было сделано своевременно. Враг подтянул от Великого Букрина танковую и моторизованную дивизии и нанес сильнейший контрудар по частям 50-го стрелкового корпуса. Мне пришлось выдвинуть в этот район все бригады 5-го гвардейского танкового корпуса и одну стрелковую дивизию, сняв ее с правого фланга. Враг был остановлен, но нельзя было давать ему передышки. С этой задачей и вступили в бой танкисты генерала Рыбалко. Весь день они вели ожесточенный бой, но выйти на оперативный простор с ходу не удалось.

Тогда мы решили продолжить наступление ночью.

Наверное, до сих пор помнят уцелевшие гитлеровцы нашу атаку в ночь на 5 ноября! Танковые корпуса устремились вперед с зажженными фарами, с включенными на всю мощность сиренами, ведя сильнейший огонь из пушек и пулеметов. Вплотную за танками шли наши славные пехотинцы. Ошеломленный враг не оказал сопротивления и вскоре обратился в бегство. Танкисты ворвались в Святошино и перерезали дорогу Киев — Житомир.

Врагу явно не хватало времени на маневр резервами, и в этой связи я хочу отметить вклад в Киевскую операцию сводного отряда 38-й армии под командованием полковника С. И. Сливина. Отряд по моему указанию форсировал Днепр южнее Киева, у острова Казачий, овладел поселком Вита Литовская и перерезал важнейшую дорогу, ведущую к Киеву от Букринского плацдарма.

Утром 5 ноября войска 38-й армии после артиллерийской подготовки снова возобновили наступление. Решительно продвигаясь вперед, 50-й стрелковый корпус вышел на западную окраину Киева, а его 167-я дивизия вместе с 51-м корпусом генерала П. П. Авдеенко уже ворвались на улицы города.

Вместе с советскими воинами в штурме железнодорожного узла и вокзала участвовали части 1-й Чехословацкой бригады под командованием полковника Л. Свободы. В этот же день на правом фланге нашей армии заместитель командующего фронтом генерал-полковник А. А. Гречко ввел в прорыв кавалерийский корпус генерала В. К. Баранова. Конники устремились к Житомиру.

В ночь на 6 ноября я вместе с А. А. Епишевым и С. С. Мартиросяном выехал в расположение 167-й дивизии, только что взявшей район кинофабрики. И вот мы уже в Киеве. Еще гремят уличные бои, пылают дома... С болью увидел я горящее здание Киевского университета, подожженное фашистами. Мне доложили, что одним из первых в центр города ворвался танковый взвод гвардии старшины Н. Н. Шолуденко. На площади Калинина отважные воины водрузили Красное знамя над зданием областного комитета партии.

Продвигаясь за танками, мы прошли по бульвару Шевченко до разрушенного Крещатика. Там нас неожиданно окружили большие группы радостных киевлян. Не обращая внимания на рвущиеся вокруг снаряды, они приветствовали армию-освободительницу.

В 4 часа утра из штаба 50-го стрелкового корпуса я позвонил Ватутину.

— Товарищ командующий фронтом, Киев наш!

Ватутин, по-видимому, усомнился, так как спросил:

— Кто вам об этом доложил?

— Да я только что вернулся с Крещатика...

Несказанно обрадовавшись, Ватутин спросил:

— Выходит, можно докладывать Верховному?

— Да,— твердо ответил я,— можно докладывать Ставке об освобождении Киева.

В. А. Кочетов

После тяжелой и продолжительной болезни ушел из жизни выдающийся советский писатель и видный общественный деятель Всеволод Анисимович Кочетов.

В. А. Кочетов родился 4 февраля 1912 года в городе Новгороде. После окончания школы и Ленинградского сельскохозяйственного политехникума В. А. Кочетов с 1931 по 1938 год работал агрономом и научным сотрудником опытной сельскохозяйственной станции, а с 1938 года перешел на профессиональную литературную работу.

С первых дней Великой Отечественной войны В. А. Кочетов добровольно идет в действующую армию. В 1944 году на Ленинградском фронте В. А. Кочетов стал членом КПСС.

Тема созидательного труда советского народа, его борьбы за утверждение коммунистических идеалов проходит через все творчество писателя. Главный герой его творчества — героический рабочий класс нашей страны. Одним из лучших достижений советской литературы, вошедшим в ее золотой фонд, стал роман В. А. Кочетова «Журбины». Массовую читательскую аудиторию привлекли романы «Молодость с нами», «Братья Ершовы», «Секретарь обкома», «Угол падения». Диапазон творчества В. А. Кочетова был исключительно широк. Романы и повести, рассказы и очерки, публицистические и критические статьи писателя посвящены самым актуальным проблемам современности.

Много сил и энергии отдавал В. А. Кочетов общественной деятельности. Он возглавлял Ленинградскую писательскую организацию, был главным редактором «Литературной газеты», с 1961 года — главным редактором журнала «Октябрь». В. А. Кочетов являлся членом правлений СП СССР и РСФСР, секретарем правления СП РСФСР.

В. А. Кочетов был делегатом XIX, XXII, XXIII и XXIV съездов КПСС; на XX и XXII съездах КПСС он избирался членом Центральной ревизионной комиссии КПСС.

Партия и правительство высоко оценили заслуги В. А. Кочетова перед советской литературой. Он награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции. Боевые заслуги В. А. Кочетова отмечены орденом Красной Звезды и медалями.

Светлая память о писателе-коммунисте Всеволоде Анисимовиче Кочетове навсегда сохранится в сердцах советских людей.

Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный, А. Н. Косыгин, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, К. Т. Мазуров, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, П. Н. Демичев, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, В. Ф. Шауро, А. А. Епишев, Е. М. Тяжельников, В. Н. Ягодкин, К. А. Федин, Г. М. Марков, М. Н. Алексеев, А. А. Ананьев, А. А. Беляев, Ю. В. Бондарев, Ю. Н. Верченко, Н. М. Грибачев, В. А. Закруткин, С. П. Залыгин, В. П. Катаев, А. П. Кешоков, В. М. Кожевников, Г. И. Коновалов, Л. М. Леонов, В. В. Липатов, С. В. Михалков, С. С. Наровчатов, В. М. Озеров, С. С. Орлов, А. А. Первенцев, Б. Н. Полевой, Р. И. Рождественский, С. В. Сартаков, К. М. Симонов, А. В. Софронов, Б. И. Стукалин, А. А. Сурков, Н. С. Тихонов, З. П. Туманова, В. Д. Федоров, Г. К. Холопов, А. Б. Чаковский, М. А. Шолохов.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ КРЕЙСЕР

В биографии легендарного крейсера «Аврора» нынешний год особенный. Семьдесят лет минуло с той поры, как он вошел в состав боевых кораблей русского военного флота. Пять десятилетий тому назад на «Авроре» взвился флаг Военно-Морского Флота Советского Союза: крейсер зачислили в отряд учебных кораблей Балтийского флота, и он принял первых курсантов военно-морского училища. В том же 1923 году на крейсере произошло еще одно важное событие — ЦИК СССР взял шефство над «Авророй».

И еще несколько памятных дат нынешнего года: исполнилось пять лет, как корабль был удостоен второй правительственной награды — ордена Октябрьской Революции. В большой праздник вылилось чествование комиссара «Авроры» — Александра Викторовича Белышева: ему исполнилось восемьдесят лет. Это по его команде комендор корабля Евдоким Павлович Огнев произвел исторический орудийный выстрел, послуживший сигналом к решающему штурму Зимнего дворца.

В день 30-летия Советской власти крейсер встал у моста имени лейтенанта Шмидта, где он находился в пору Октябрьского вооруженного восстания. Четверть века назад прославленный корабль поднялся вверх по Неве и занял место у стенки Петроградской набережной.

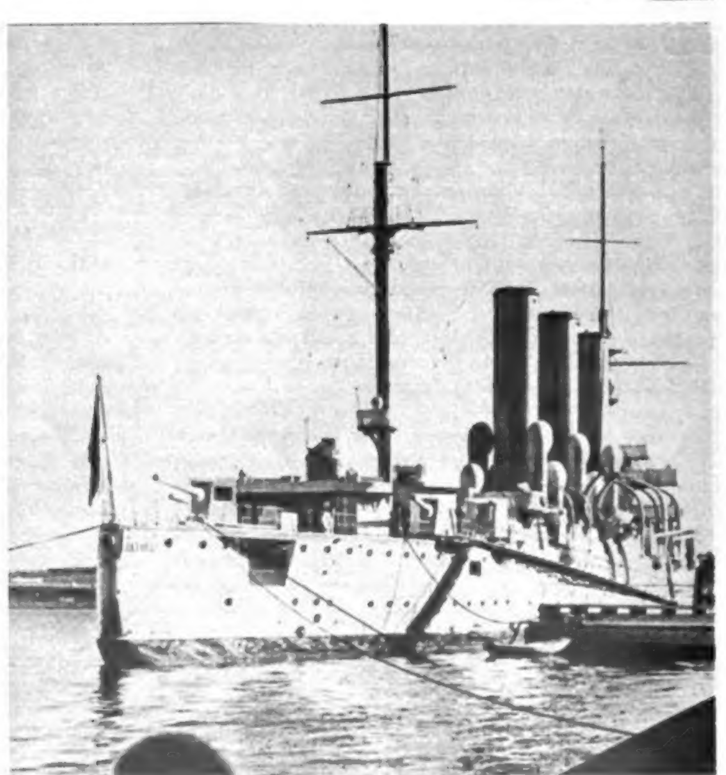
За четверть века «Аврору» несколько раз отводили в кронштадтский док на ремонт и однажды — к мосту лейтенанта Шмидта для ...съемок кинофильма. Но каждый раз буксиры возвращали крейсер на его постоянное место. Интерес к этому памятнику Октября год от года возрастал. Созданный на корабле филиал Центрального военно-морского музея посетило около шести миллионов человек. Делегации из ста тридцати семи стран оставили «Авроре» свои сувениры.

Но крейсеру на его старом месте стало тесновато. И скоро «Авроре» предстоит смена стоянки. Корабль переместится на десятки метров вперед, в сторону Невы, и встанет на заранее подготовленное, углубленное, бетонированное дно, что очень важно для сохранения бессмертной революционной реликвии.

Изменится пейзаж прилегающей к этому месту береговой территории. Она станет более нарядной, торжественной. Предстоит реконструкция гранитной набережной, архитектурные перепланировки, устройство газонов, бассейнов, здесь раскинется площадь, вымощенная базальтом и гранитными плитами. Иным станет и вход на крейсер — появится пирс с перекидным мостиком. У входного пирса поднимется памятная стела. В русле Большой Невки на специальном сооружении будет смонтировано 30 прожекторов для декоративного освещения легендарного крейсера и всей мемориальной зоны.

К. ЧЕРЕВКОВ, собкор «Огонька»

Фото Н. Ананьева

В. Кушнир (Киев). МАТЕРИ.

Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина».

А. Осипов (Якутск). СТРОИТЕЛЬСТВО ДОМА В НАСЛЕГЕ МЫТАХ.

Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина».

Валентин СОРОКИН

КРАСНЫЙ ВОЛГАРЬ

1

Путь мой радостен и светел,
Он уходит в синеву.
Под густой, мятежный ветер
Я на Астрахань плыву.
Хороша и незнакома.
Ширина и глубина,
Я и здесь почти как дома,
Русь, она везде одна!
И дела мои бескрайны,
Сколько б я ни выбирал.
Только чем-то тайным, тайным
Вдруг поманит на Урал.
То ли степи,
То ли кручи,
То ли рябь озерных вод,
То ли силою гремучей
Душу в клочья разорвет?
Пусть иной с ухмылкой влезет
В это чувство, как в беду,
Я заплачу о железе,
О друзьях с ума сойду!
Я почую без примеса
За разливностью воды,
Как волчонок,— запах леса,
Привкус пота и руды...
И в сумятице недолгой,
Кто бы,
Как бы ни взирал,
Я на всю державну Волгу
Громко выдохну:
—Ура-а!! —
Волга, ты ль не велика,
Вожаковская река?..

2

...С тучами
Да с облаками
Гром над Астраханью
Крут.
За сарматскими холмами
Реактивные ревут.
Полыхнул зеркальный зал,
Дрогнул аэровокзал.
Площадь,
Скверы,
Школы, дети,
Стадион шумит — пригож,
Стенька Разин,
На рассвете
Ты по городу идешь.
Катера гудками пристань
Взбаламутят
И умчат.
Над волною серебристой
Снова чайки прокричат.

3

На Урале неуемном
Снег окалиной примят.
И коптят мартены, домны
От версты к версте подряд.
Сосны, лиственницы, ели
Индевеют от метели.
Поезд, жаркий, верткий бес,
Сажу вытряхнул на лес.
А у нас на печке теплой
Детства нищенского дым,
Голос бабушкин поблеклый:
— Был ить Стенька молодым,
Выходил из главных, барских
Расписных, резных ворот,
А кафтан на нем боярский,
Атамана ждал народ.
Ра-азбежались, паникуя,
И торговцы и купцы,
Голь хохочет и ликует,
Пир справляют молодцы.
«За мыском, за мо-олом,
За плетнем, за ты-ы-ыном,
Он меня ко-олом,
А я его дры-ыном...»
Треплет бабушка куделю:
— Непокорный-то, в атса-а!
Как бы мне, хоть на неделю,
Атаманом сделатса-а?
Волга, Волга, счастья ль мало,
Вот оно, раздольный плес,
Я привет тебе с Урала
От друзей моих привез.

4

Город новый, буйнохлесткий,
Семафоры,
Перекрестки,
Да бетон,
Да кирпич,
Да асфальт горящий,
В центре города — Ильич,
С Волгой говорящий.
У сосны иголки колки,
У лиственки в самый раз.
Стенька тряс просторы Волги,
Ленин шар земной потряс!
И венки родного цвета,
Кумачова кумача,
Возлагает вся планета
К Мавзолею Ильича.
Институты и заводы
И чугунные мосты,
И аллеи, плод заботы,
И сады, сады, сады!
Да упругие, тугие,
Никуда не денешься,
Персияночки такие,
Поцелуешь — ж-енишься:
— Ой, чубчик мой,
Волной, волной,
Говорила тебе, милый,
Не гонись за мной! —
Город рос,
Город креп.
Тишь, деревьев кроны.
Есть у Астрахани кремль,
Города корона!
Удаль русская не сгинет,
Прямо в Каспий протекли
По равнине сине-синей
Караваны, корабли...

5

Кострома на шустры воды
Выпускает теплоходы,
Медью кованы бока,
Красный флаг:
— Пока!
— Пока!
Ярославль на шустры воды
Выпускает теплоходы,
Медью кованы бока,
Красный флаг:
— Пока!
— Пока!
И Казань на шустры воды
Выпускает теплоходы;
Медью кованы бока,
Красный флаг:
— Пока!
— Пока!
И Саранск на шустры воды
Выпускает теплоходы,
Медью кованы бока,
Красный флаг,
— Пока!
— Пока!
Здесь живут соседи наши —
И марийцы, и чуваши,
И татары, и мордва,
Длинен перечень родства!
Шире, скатерть-самобранка,
От закусок, вилка, гнись,
Коль гулянка, так гулянка,
Коль атака —
Враг, держись!..
Волгоград на шустры воды
Выпускает теплоходы,
Медью кованы бока,
Красный флаг:
— Пока!
— Пока!
Русь броненая едва ли
Задрожит от варнака.
Реки стали, реки стали
В Волгу, в Волгу, клокотали,
О, победная река!..
И Москва на шустры воды
Выпускает теплоходы,
Медью кованы бока,
Красный флаг:
— Пока!
— Пока!
Гомони усердней, муза,
Волга вольная, теки
По Советскому Союзу,
Всем «прогнозам» вопреки!
По планете революций,
Сквозь сраженья и века,
Над тобою зори вьются,
Пролетарская река.

6

Теплоход уйдет с Урала
На Иртыш или на Дон.
Гладкоствольные каналы
Сталь венчает да бетон.
Сторона ковыль-степная,
Кривизна известняка.
Волга, Волга, мать родная,
Пролетарская река!
По Днепру,
Оке
И Каме
Вновь гудков веселый гам.
И плывут суда, боками
Раздвигают берега.
Шлюзы, заводи, пороги...
Весь простор моей земли
Краснозвездные дороги
От Москвы переплели!
Это я, посланец края,
Боевых цехов и шахт,
Для тебя, река родная,
Зори выплавил в ковшах.
На Урале — домны, домны.
И бурлит, тягуч и ал,
По изложницам огромным
Свирепеющий металл.
И на лапы привстав,
Ползет состав,
Рельсы звякают на шпалах,
Изнывают провода,
Мимо копей,
Мимо балок
Тяжело гремит руда.
...А гудок бежит куда?
В очень щедрые года,
Степь минует
И пустыню,
Тундру, топи и тайгу.
Упадет он и остынет
На Каспийском берегу.

7

Честный подлому опасен,
Ложью разум не возьмешь.
Астраханец,
Стенька Разин,
Ты по городу идешь,
Ты по городу идешь,
Землякам поклон кладешь...
В красных бакенах, ярка,
Атаманская река.
Вашей славы гул согласный
У эпох ломал хребты.
Емельян, в кафтане красном
И в рубахе красной ты!
Мы клянемся поименно,
За спиной холопьев нет,—
Наши красные знамена
Переняли этот цвет!
Стенька Разин,
Мачты, воды,
Море,—
Вечность впереди,
Не иссякнет дух свободы
У праправнука в груди!
И не я ль с едина взмаха,
Ловко молотом звеня,
Отковал тебе рубаху
Из уральского огня?
Много дива на планете,
Кличет реки океан,
В каждом истовом поэте
Чутко страждет атаман...
Вновь в воде осенней
Стылой
Пляску рыбы завели.
И летят к долинам Нила
Через Волгу журавли.

Полностью поэма печатается в журнале «Москва» № 2.

СРЕДИ НЕДЕЛИ

Светозар БАРЧЕНКО

РАССКАЗ

Рисунок Н. ПЧЕЛКО.

Пыхов сидел на плотно набитом рюкзаке, привалившись плечом к твердой металлической стойке, на которой вверху белела табличка с расписанием движения автобусов. Расписание это было двойным: с одной стороны таблички на выходные дни, а с другой — на будничные.

Редкие полуночные пассажиры, добросовестно изучив «Отправление по выходным» и припомнив, должно быть, что никакой нынче не выходной, а всего лишь среда, медленно обходили стойку и сидящего под ней Пыхова, безразлично взглядывали на него (а ему казалось, что смотрят они с неприязнью и завистью) и снова принимались вчитываться в столбики цифр, сверяться с электрическими часами над входом в диспетчерскую, прекрасно сознавая, конечно, что ранее положенного времени автобус не подойдет, однако не исключая полностью и эту желанную возможность.

Пыхов заставлял себя не думать о случайных своих попутчиках. Они торопились, наверное, по домам после вечерней смены или же из гостей и, нервничая, прохаживались вокруг стойки. Он чувствовал себя скованно и давно пересел бы куда-нибудь, но отсюда хорошо был виден пустынный перекресток, рассеченный белыми полосами перехода, над которым предостерегающе помигивал желтый глаз светофора.

Когда же Пыхов наконец-таки решился переменить место и уже привстал, нашаривая позади себя лямки рюкзака, на перекрестке появился Коншин.

— Ну, что же ты, в самом деле!— возбужденно сказал Пыхов, когда Коншин подошел к нему и они поздоровались.— Сколько можно тебя ждать? Все глаза просмотрел.

— А ты бы пораньше приходил...— Коншин улыбался, разглядывая Пыхова, одетого в теплую куртку с нашитыми карманами и старые заплатанные брюки, заправленные в болотные сапоги с подвернутыми голенищами.— Я всегда, как штык. Ведь договорились же: на последний автобус. Вид у тебя, как у заядлого рыбака. Лодку-то ты захватил?

В голосе Коншина и в том, как он смотрел на Пыхова, слегка наклонив голову и насмешливо щурясь, проскальзывала уже почти забытая Пыховым покровительственная снисходительность.

— Нет. Обойдемся, пожалуй,— неуверенно проговорил Пыхов, незаметно для себя подчиняясь покровительственному тону Коншина, утвердившемуся в их отношениях чуть ли не с первых дней давнего знакомства.— Знаешь, какая она тяжелая, черт, эта резина? Стоит ли тащить на один день? И без нее всякого барахла натолкал полный рюкзачище. Вот если бы мы с тобой на недельку, допустим, закатились — тогда, понятно...

— Ну это ты напрасно,— недовольно и, как показалось Пыхову, с назидательным укором сказал Коншин.— С лодкой было бы лучше. Тащить ее, конечно, я бы тебе помог. А так, что ж... Клевать-то хоть будет, как ты думаешь?

— Там уж как повезет. Я тебя предупредил, что за клев не ручаюсь. Посмотрим...— Пыхов вдруг почувствовал, что эта насмешливая улыбочка Коншина неприятна ему, а собственная готовность по-прежнему подчиняться и принимать его снисходительность как должное — унизительна.

Коншин промолчал, достал сигарету и отвернулся, прикуривая. А Пыхов, глядя на его вздернувшиеся плечи, на теплившийся в горсти огонек, освещавший западающие при каждой затяжке небритые щеки Коншина, который никак не мог раскурить твердую сигарету, подумал, что тот обиделся. «Напрасно я на него озлился. Парень-то, в общем, он неплохой...» — Пыхову показалось, что словами своими он как бы отделяет от себя Коншина, которого сам же и вытащил на эту рыбалку, а теперь вроде говорит ему: ты как знаешь, а я не пропаду. И чтобы сгладить возникшую между ними размолвку, тронул Коншина за рукав и примирительно сказал:

— Впрочем, ты не беспокойся. И на счет улова, конечно... Супруге своей отвезешь. Мне эта рыба надоела.

— Да ты что, старина! При чем здесь рыба? Неужели ты думаешь, что я из-за рыбы с тобой поехал? Бог с ней, с рыбой... Я просто рад, что мы увидались,— искренне и даже с какой-то виноватой проникновенностью ответил Коншин.

Пыхова удивила и обрадовала неожиданная искренность, прозвучавшая в словах Коншина, который ответом и всем видом своим как бы признавал свою зависимость от его рыбацкой сноровки. И Пыхову еще сильнее захотелось, чтобы все у них сложилось удачно: и чтобы то счастливое место в ложбинке, за свекловичным полем, где берег был полог и чист, а глубина вполне достаточной, оказалось не занятым; и чтобы ветра не было, или чтобы дул он не с реки, а с берега, в спину, так удобнее закидывать донки; и чтобы клев, понятно, был; и не плотва чтобы дергала, а брали лещи. Тогда весь улов он, конечно, отдаст Коншину: пусть везет его домой, жене своей Зине...

А новый просторный лиазовский автобус, на каком им надлежало ехать, уже стоял около диспетчерской и рокочуще пофыркивал, уда-

ряя в бровку тротуара сизой струей дыма из выхлопной трубы. В салоне автобуса было темно. И только пустая кабина с открытой и от этого словно бы перекошенно повисшей на одной петле дверцей была тускло освещена. Шофер, наверное, пошел отмечать путевой лист.

Когда же показался он наконец в дверях диспетчерской, на ходу пряча за пазуху какие-то бумаги, а потом уселся в кабину и стал разворачивать свою неуклюжую тупоносую машину, Пыхов поспешно подхватил тяжелый рюкзак, взвалил его на плечо и, согнувшись, засеменил вместе с отделившимися от очереди подвыпившими веселыми парнями и пожилыми женщинами вдоль красного автобусного бока, норовя подоспеть к передней двери.

Он сумел занять место и на Коншина и, как только тот протолкался к нему, перевалил рюкзак с сиденья к себе на колени. Коншин пробормотал благодарно: «Пусть лежит, пусть лежит... Мне хватит... Я вот тут, с краешку...» — опустился рядом и притиснул Пыхова к запотевшему окну.

Пыхов познакомился с Коншиным лет пятнадцать назад, когда оба они работали на машиностроительном заводе слесарями в сборочном цехе, заканчивали вечернюю школу и готовились поступать в институт. Коншин остановил свой выбор на философском факультете университета, однако поговаривал иногда и об институте международных отношений: «Нет, ты только послушай, чудила: Юрий Павлович Коншин — временный поверенный в делах... Ну, как? Ведь это звучит, а?..» Пыхов соглашался, что это действительно звучит, но сам рассчитывал на что-нибудь поскромнее, вроде педагогического, либо в крайнем случае собирался идти по профессии, на инженера — благо отделение института при заводе, поступить легче. Тянулся он тогда изо всех сил за Коншиным, завидуя втайне его уверенности в собственных возможностях, небрежной легкости, с какою рассуждал тот о «застое философской мысли», и нарочно уничижал себя, догадываясь, что подобное самоуничижение приятно Коншину.

«О старых друзьях ты, конечно, тогда и не вспомнишь,— говорил Пыхов с улыбкой и вроде бы шутя, но так, чтобы слова его можно было воспринять и всерьез.— Секретаршу себе заведешь, заместителей всяких... Вот тут-то я и заявлюсь к тебе по старой дружбе на теплое местечко устраиваться. Уж для меня-то в твоей конторе, наверное, можно будет и лишний стул поставить, а?»

Коншин улыбался ему в ответ и тоже с нарочитой серьезностью уверял, что для настоящего друга он, несомненно, что-нибудь придумает.

Но наивные разговоры эти, как понимал сейчас Пыхов, не представлялись им в ту пору столь уж наивными лишь потому, что оба они были молоды. Впрочем, молодость их была относительной, она как бы не соответствовала их возрасту: ведь подкатывало им тогда уже под тридцать...

Принадлежали они, как любил повторять Коншин, к тому поколению, которое самую малость не доросло до войны. Однако, когда совсем мальчишками они пришли на завод, память о войне была еще свежа. На стенах цехов сквозь жидкую побелку проступали жесткие слова военных лозунгов; по базарам и вагонам пригородных поездов ходили безрукие и безногие инвалиды в застиранных гимнастерках, в выцветших пилотках со звездочками, выставляя розоватые, едва зарубцевавшиеся культи, пели хриплыми голосами про синий платочек или о Вите Черевичном, который любил голубей.

Но даже становясь постепенно старше своих погибших отцов, они как бы не сознавали этого полностью; им казалось, что прожитое ими словно бы и не в счет,— в будущем для них уготовано нечто более значительное, что до сих пор они вроде бы не жили, а только примерялись к жизни, а то, уготованное им, никуда от них не уйдет. Правда, сетовали они и подчас на себя за упущенные годы, за то, что поздно спохватились и взялись за ум, однако не верилось им тогда, что на самом деле, пожалуй, так оно и есть...

Для Пыхова не было большой неожиданностью, когда он узнал, что Коншин бросил университет. Поступали они туда вместе, но Пыхов не набрал проходных баллов, подал документы в педагогический, где конкурс был меньше; его приняли, а Коншин подтрунивал над ним, хотя и сам еле удержался. На первых курсах они почти не расставались: после работы спешили в библиотеку, вместе готовились к зачетам, писали контрольные, потом стали встречаться реже, а когда Пыхов бывал дома у Коншина, тот уже не твердил ему о «назревшей необходимости перетряхнуть пыльные сундуки вековой мудрости, в которых человечество скопило слишком много ненужного хлама», чаще жаловался на косность преподавателей, говорил об «узости академических рамок, ограничивающих широту поиска и сковывающих полет мысли».

Мать Коншина, Елена Николаевна, подавала к чаю варенье из черноплодной рябины, а потом неизменно уводила Пыхова в свою комнату и шепотом просила повлиять на Юру, поддержать его, потому что он умный, талантливый, но в голове у него все перемешалось. Пыхов обещал ей обязательно «повлиять», но чувствовал себя при этом беспомощно и неловко, словно был он в чем-то виноват перед этой доброй седой женщиной, перед сыном ее, как бы незаслуженно обойденным и обиженным.

«Да вы не расстраивайтесь, ради бога! Не волнуйтесь,— смущенно бубнил Пыхов, отступая к порогу.— Я, конечно, с ним поговорю. Хотите, так прямо сейчас. Вы, пожалуйста, не волнуйтесь...»

Зина с мужем выходили провожать его на гулкую лестничную площадку. Коншин хмурился, покашливал, и покашливание его, усиленное пролетами, глухо бухало внизу, словно там кто-то часто хлопал дверью.

«А ну их всех к черту, гениев этих непризнанных!— сбегая по лестнице, думал Пыхов.— Что я ему, нянька в конце концов? Пусть сам решает, как лучше. Зачем мне в их дела соваться?..» И всегда после возвращения от Коншиных оставался у него на душе какой-то горьковатый осадок, томило его что-то, а он не мог отвлеченно разобраться в причинах этого томления и чувствовал себя так, будто обманывал близкого человека или же не вступился за него — не сумел, а может быть, и не захотел...

Оба они давным-давно ушли с завода и последние годы виделись лишь от случая к случаю. Пыхов преподавал историю в средней школе, вел старшие классы. Подрабатывал он еще и в вечерней — по три часа в неделю; времени у него вечно не хватало и ходить по гостям было недосуг: не всякий выходной и на рыбалку выберешься, какие уж тут гости! А Коншины получили квартиру где-то на окраине города, в новом районе, там же и работали теперь: он — не то в телевизионном ателье, не то в мастерской по ремонту холодильников, а она — продавщицей в универмаге.

И когда Коншин неожиданно появился в школе и с трудом разыскал Пыхова (была большая перемена, и в учительскую набилось много народа), тот обрадовался, потащил Коншина в сторонку, к окну, и принялся уговаривать съездить с ним на рыбалку, тем более, что еще накануне отпросился у директора и собирался отсидеть последнюю зарю на леща: с наступлением холодов начинал брать судак, а Пыхов считал себя истинным лещатником.

«Ты понимаешь, в отпуске я сейчас,— вполголоса говорил Коншин, с любопытством поглядывая на молодых практиканток.— Скоро опять запрягаться, а я не знаю: может, мне что-нибудь другое поискать? Предлагают один вариант... Вот я и заглянул к тебе потолковать. Посоветоваться, что ли...»

«Ну и прекрасно, прекрасно!— Пыхов чуть ли не влюбленно смотрел на Коншина и говорил громко, не замечая стесненности приятеля и недоуменных взглядов учителей.— Это же просто здорово, что ты пришел! Вот мы там с тобой и потолкуем обо всем. Ведь сто лет уже не виделись! И сейчас и слушать тебя не хочу! Все. Договорились...»

Пыхов и Коншин остались на освещенном пятачке, возле покосившейся крытой будки, напоминавшей с виду пивной ларек, а автобус укатил в темноту.

После беспрерывного гула, к которому они успели притерпеться, покуда ехали, охватившая их тишина представлялась им почти осязаемой, как будто все вокруг было покрыто мягким тополиным пухом и стоило лишь пошевельнуться, чтобы почувствовать на своем лице его щекочущее прикосновение.

Миновав деревню, они спустились по сыпучему песчаному откосу, утыканному низкими корявыми соснами, сохранившими теплый запах коры и смолы, и вышли на луг, где было прохладно и пусто. Простиралась над лугом, повиснув близко к земле, дымно-млечная пелена, и то узкое пространство, какое отделяло ее от земли, казалось наполненным мрачной зияющей чернотой. Заоблачными хребтами поднимались из этой черноты покатые купы ольшаника, а может быть, и стога, кое-где разбросанные по лугу.

Коншин чертыхался, спотыкаясь о торфяные кочки, тяжело дышал, а Пыхов иногда приостанавливался, оборачивался к нему и, поправляя лямки рюкзака, говорил:

— Ничего, ничего... Скоро передохнем. Тут уже совсем рядышком. Да и куда нам теперь спешить-то? Успеется...

Но когда он разглядел выкошенный окраек луга, а за ним — полегшую местами, словно бы истолоченную скотом и уже издалека приметную своей матовой сизостью свекольную ботву, а потом захрустела она у него под сапогами, и хруст ее был не трескучим и сухим, а каким-то хрупающим, сочным; когда вышел он наконец к берегу и увидел оловянно стынущую поверхность реки и струящийся над ней, не загустевший еще парок, поспешно снял рюкзак, развязал его и склонился над ним, нащупывая внутри обмотанные тряпкой короткие удилища донок и скользкие полиэтиленовые мешочки с насадкой.

Пыхов не расслышал, как сзади подошел Коншин, и вздрогнул от неожиданности, когда тот спросил:

— А где мы тут дров найдем?

Как бы перекошенное улыбкой, смутно белеющее в потемках лицо Коншина с остро торчащим, как клюв, носом и затененными провалами глазниц казалось осунувшимся и страдальческим, а вопрос его прозвучал тревожно и значительно, словно жизнь их зависела от того, найдут они здесь дрова или нет.

— Ты бы мне лучше посветил,— ворчливо сказал Пыхов, роясь в рюкзаке.— Надо сначала снасти наладить, а костер потом... Куда же этот фонарик делся? Крючки еще, черт!.. Да погоди ты со своими дровами! Ночь долгая...

Они не стали разжигать костер, так как ночь показалась им теплой, и палатку решили не натягивать, а собрали по охапке прелых одоньев, уже и сеном не пахнущих и жестких, как проволока, и сейчас лежали на волглой этой подстилке, укрывшись палаткой, и оба не спали.

Пыхов напряженно прислушивался, боясь проморгать поклевку, когда должен был зазвенеть подвешенный к леске колокольчик. А Коншину не давали уснуть едва уловимые шорохи, хищное какое-то попискивание и осторожная возня, какую он не то чтобы явственно слышал, а скорее ощущал вдруг снизошедшим на него неким звериным чутьем, которым обладали, наверное, полудикие предки его, тысячи и тысячи лет назад лежавшие, быть может, вот так же на берегу этой самой реки, хоронясь от врагов или же подстерегая добычу...

— Ты не спишь? — спросил Пыхов, позевывая, и вместо «спишь» у него получилось «сп-и-ишь».— Я все о крысах думаю. Как бы они нашу насадку не сожрали. Может, сюда ее притащить? А?

Насторожив донки, они оставили рюкзак на берегу, запрятав его под нависшими кустами, а сами устроились повыше, где было не так сыро. Манная каша и овсяные хлопья, которыми наживляли они крючки, были в рюкзаке, и Пыхова беспокоило, что крысы могут прогрызть рюкзак, но вставать и идти за ним ему не хотелось.

— А разве здесь крысы есть? — отозвался Коншин и зябко передернул плечами, испытав внезапную брезгливую оторопь.— Это они там пищат, что ли?

— Конечно, они. Больше некому,— сказал Пыхов и приподнялся на локоть, словно старался разглядеть в темноте шныряющих по берегу крыс.— Впрочем, пищат они или нет, черт их знает! А вот что насадку жрут — это уж точно. Я тут с одним стариком ловил, так они у него весь «геркулес» слопали, пока он спал. Дедок, бедняга, чуть не плакал, когда проснулся... Хоть домой за кашей беги, представляешь?

Пыхов рассмеялся, будто что-то заклекотало у него в горле, припомнив, наверное, как сує-

тился и охал старик, обнаружив пропажу, как выпрашивал насадку у более предусмотрительных рыбаков, а те подшучивали над ним, однако Коншину не было смешно. Он не ответил Пыхову, и тот опять лег и стал смотреть в небо, на звезды.

— Меня вот еще что удивляет,— немного погодя сказал Пыхов, настраиваясь на раздумчивый лад.— Почему в городе мы ничего вокруг себя не замечаем, а ползаем по асфальту, как кроты? Я тебе о звездах говорю. Ты хоть раз когда-нибудь видел такие звезды?

— Ну, где уж нам уж!— насмешливо отозвался Коншин.— Мне звездами любоваться некогда. После смены скинешься по рубль двадцать — и к магазину скорей, пока не закрыли. Там, правда, на звезды наглядеться можно. Все прилавки в этих самых звездах. И трехзвездочный стоит и какой хочешь...

— Я же серьезно с тобой...— Пыхова покоробил насмешливый тон Коншина, а шутка его показалась грубой и неумной.— Зачем ты так о себе? Я же знаю, что ты нарочно.

— А с чего ты взял, что нарочно?— В голосе Коншина появилась какая-то вроде бы простудная хрипотца, от которой он старался избавиться, а потому говорил, откашливаясь, и дышал неровно, как бы всхлипывая.— Я тебя, конечно, не хочу обидеть... Но согласись, стоит лишь нам оказаться за два километра от дома, как нас обязательно тянет порассуждать о чем-нибудь этаком непознанном: о внеземных цивилизациях, например, или же о вселенском разуме и прочей потусторонней чепухе... Я понимаю, это стало модным, особенно среди школьных учителей, причем нефизиков, так сказать... Однако ты уж прости: на меня все эти межзвездные фантазии давно не действуют. Из возраста вышел, наверное... На меня ты только зря свой порох потратишь. Да и поговорить я с тобой хотел о другом...

— Нет, ты меня все-таки не понял,— с обидой и сожалением сказал Пыхов, но вдруг взволновался и заговорил горячо, торопливо, словно боялся, что Коншин не станет его слушать: — Ты не прав, милый, не прав! И не в учителях тут дело. Ты пойми, человеку просто необходимо иногда задумываться над вещами, далекими пока что от круга его повседневных забот. Иначе можно утратить сознание своей причастности к этой земле, к небу и даже к звездам... Да, да, к звездам! И ты напрасно улыбаешься... Мы искусственно противопоставляем себя природе и забываем о том, что все в мире взаимосвязано. Ведь не так еще давно считалось вполне безобидным выплеснуть в реку цистерну отходов с бумажной фабрики, а теперь загрязнение внешней среды грозит катастрофой!

— Ну вот, наконец-то и тебя поволокло на проповедь,— с нескрываемой издевкой, разочарованно сказал Коншин.

А Пыхов уже и сам раскаивался, что затеял этот разговор. Он стыдился внезапной взволнованности и поспешной горячности своей, с какой только что говорил о грозящей миру катастрофе, о нарушенной — как думалось ему — взаимосвязи с природой, о небе и звездах...

С берега по-прежнему доносились невнятные шорохи, попискивание. А потом вдруг послышалось мелодичное тиньканье, будто запела там, возле темнеющей воды, невесть откуда взявшаяся синица. Пыхов сначала так и подумал, вернее он решил, что ему померещилось это слабое синичье «тинь-тинь», но когда вновь уловил его и осознал, что это звенит подвешенный к леске колокольчик, резко отбросил задубевшую от росы палатку и вскочил с волглой, нагретой телом подстилки, успев, однако, отметить, что звонит крайняя удочка справа, и почувствовать, как захолодило спину под отсыревшей рубашкой. Шваркая резиновыми голенищами, он ринулся с берега к донкам...

Пыхов уже выводил рыбу на мелководье, быстро выбирая обеими руками мокрую леску и плавно скидывая ее кругами на песок, к ногам, когда, оступаясь и посвечивая фонариком,— то включая, то выключая его,— сверху осторожно спустился Коншин.

— Подсачек бери!— мельком глянув на него, тихо и с какой-то просительно-угрожающей дрожью в голосе сказал Пыхов.— Да вот же он! Вот! Ослеп ты, что ли? Ведь наступишь сейчас!

Сжимая фонарик, Коншин склонился, нащупывая втоптанную в песок рукоять подсачека, и в скользящем по воде желтом пучке света увидел у самой поверхности плоское тело леща, похожее на дряблый капустный лист.

— Какого же ты... копаешься!— сквозь стиснутые зубы злобно засипел Пыхов.— Подсачивай!

Засуетившись, Коншин неумело сунул подсачек в воду, норовя поддеть рыбу, но проволочный обод подсачека ткнулся рядом, в близкое дно, взметнув слежавшийся ил. Он растекся широким облаком, и в этом расползающемся мутном пятне Коншин сначала не мог разглядеть ничего, а потом увидел, как лещ, еще не очнувшись и безжизненно покачиваясь, словно тонущая жестянка, наискось погружается в глубину.

— Да что же ты стоишь? — перепрыгивая через брошенную на песок леску, испуганно заорал Пыхов.— Ведь уйдет же он, подлец! Уйде-е-ет!

Пыхов вырвал подсачек из рук опешившего Коншина и шагнул от берега, зачерпывая голенищами, но не ощущая пока, как подбирается к ногам студеная сырость. Он почти наугад загреб подсачеком, и когда неожиданно почувствовал, как отяжелела сетка, будто бы увязнув в тине, еще не смея верить счастью своему, сдерживая дыхание, слегка пригнулся и, напрягшись, быстро поднял подсачек над водой, а пойманный лещ забился в отвисшем конусе сетки, упруго выгибаясь и блестя влажной перламутровой чешуей.

— Ах ты, шустряк! Ну и шустряк!— радостно приговаривал Пыхов, выходя на берег и испытывая облегченную усталость.

— А я уж подумал — все,— идя вслед за Пыховым и смущенно посмеиваясь, сказал Коншин.— Повезло нам... И как только тебе удалось?

— Вот так и удалось, милый! Вот так и удалось!— с дурашливым самодовольством ответил Пыхов.— И вообще я тебе скажу, что надо уметь кошку гладить, не то всю жизнь будешь ходить исцарапанным. Вот поездишь со мной почаще, и ты научишься...

— Да нет, пожалуй... Я-то не научусь...

— Почему не научишься? — спросил Пыхов и поморщился.— Надо же, черт! Когда это меня угораздило ноги промочить? Ладно, обсушусь на солнышке... И почему же ты не научишься?

Пыхов не ждал ответа на свои «почему» и говорил просто так, лишь бы не молчать. Его и не интересовало вовсе, отчего Коншин решил, что не научится ловить лещей; он и не думал теперь об этом, занятый своими мыслями.

Пыхов как бы выходил сейчас из непонятного забытья и постепенно осознавал, что Коншин давно уже стал безразличен ему да и всегда, в сущности, был безразличен. А долгая дружба их, вернее, то, что принимали они за дружбу: редкие встречи, никчемные разговоры о несовершенстве общества или еще более редкие семейные визиты друг к другу, когда они опять же принимались мочалить «серьезные темы», а жены их судачили о модах, о книгах, о театральных премьерах и киноартистах, не имея возможности поспевать за этими модами и завидуя тем, кто такую возможность имел, постоянно страдая от зависти и необходимости скрывать эту зависть и страдания свои; не любя и не зная толком ни литературы, ни театра, ни кино — именно это почему-то особенно поражало теперь Пыхова, словно бы взглянул он на дружбу с Коншиным со стороны отвлеченным и беспристрастным взглядом, и отношения их наконец-то представились ему в первозданной своей истинности и какой-то пустячной мелочности, тягучей и нудной, как зубная боль.

«Хотя нет... Постой, постой... Нельзя же так сплеча,— смятенно думал Пыхов, поглядывая сбоку, как загорается и гаснет у губ Коншина красный огонек сигареты.— Я, наверное, слишком категоричен в своих суждениях, в оценках. А может быть, во всем этом проявляются только моя собственная черствость, равнодушие и эгоизм?»

— Видишь ли,— снова заговорил Коншин все с той же задумчивостью, которая была ему несвойственная и поэтому обескураживала Пыхова,— ты попросту счастливый человек, а это бывает редко. Ты дорожи этим... Важно ведь не само счастье — никто не сможет точно определить, что это такое,— а ощущение счастья. У тебя, кажется, оно есть... Вон ты как в воду сиганул! А я, откровенно говоря, наплевал бы на этого леща, пускай плавает. У меня, ты знаешь, раз не получилось — значит все... Ну и когда ты насчет звезд начал...— Он усмехнулся.— В общем, я вроде бы завидую тебе, но ты не обижайся на меня... Извини.

— Да что ты, чудак! — Пыхов сейчас готов был простить Коншину и грубоватость его и насмешливость.— Я и не думал обижаться! Ты это напрасно, конечно... Ты ложись лучше да поспи, а я посижу. Может, еще какой-нибудь зацепится.

— Ну что ж, спать так спать,— сказал Коншин, отшвырнул сигарету и поднялся.— Или вместе завалимся, а?

— Да нет... Я уж покараулю.

«Надо бы все же спросить у него, о чем это он собирался со мной посоветоваться? — запоздало вспомнил Пыхов, но тут же взяло подумал: — Ладно, еще успеется... Утро вечера мудренее...»

Ночью он не разглядел, что расположились они почти напротив какого-то дома отдыха или пансионата. Оцинкованная крыша его виднелась сейчас между темно-зелеными шапками сосен и сверкала на солнце. Пансионат этот или дом отдыха был отгорожен от остального мира глухим казенным забором с врезанной в него калиткой, а от калитки вела к реке асфальтированная дорожка, обсаженная хилыми кленами.

И лодочная стоянка была на том берегу, немного левее зарослей осоки,— узкие дощатые мостки, в них тыкалась острыми носами стая голубых прогулочных лодок. Примкнутые поржавевшими цепочками и со скрипом трущиеся друг о дружку бортами лодки, казалось, были взяты на короткие сворки и рвались с них, нетерпеливо поскуливая.

Пыхов всю ночь просидел у воды, то засыпая, то просыпаясь от холода и крысиной возни за спиной. Ночь он просидел зря, потому что только утром, когда совсем уже рассвело и поднявшийся ветерок погнал мелкую волну, случилось у него три поклевки. Две оказались пустыми, наверное, баловалась плотва, а последнюю он вовремя заметил, удачно подсек и без особых хлопот вывел прямо на песок крупного леща, пожалуй, даже побольше того, который чуть не ушел от них ночью.

А Коншин спал на берегу, укрывшись палаткой и подложив под щеку по-детски сложенные ладони.

Пыхов несколько раз подходил к нему, чтобы разбудить, но раздумывал и возвращался обратно к воткнутым в песок донкам, перебрасывал их, менял насадки и следил за прозрачными мальками, кидавшимися врассыпную от подкрадывающихся к отмели полосатых окуней. Он больше не надеялся на клев и соображал, что днем, когда появятся на берегу отдыхающие, когда отомкнут лодки, надо будет, конечно, подыскивать другое место, может быть, даже идти к той ложбинке, а лучше всего, пожалуй, отправиться по домам. Сейчас хотя и не лето — поспокойнее на реке,— но солнце еще пригревает, а к обеду так и вовсе тепло. Пыхов был доволен уловом. Он решил, что этих лещей им вполне хватит и принялся потихоньку собирать снасти, чтобы, как только встанет Коншин, смотать донки — и на автобус.

Тот, однако, проснулся не скоро. И лежа уже с открытыми глазами, недоуменно ощупывал палатку, шарил у изголовья, то ли отыскивая сигареты, то ли пытаясь понять, где он находится и как сюда попал.

— Ух ты, как я придавил!— озираясь вокруг с удивленной улыбкой, радостно сказал Коншин.— Поверишь, дома около жены никогда так не спал, ей-богу! Ну, а у тебя как тут дела? Много без меня надергал?

Потягиваясь и зевая, он спустился с берега, подошел к садку, приподнял его, покачав на руке, как бы взвешивая, одобрительно хмыкнул и опять повесил на рогульку. Вытащенные из воды лещи уже не всплескивались в садке, не шлепали хвостами, пытаясь прорваться сквозь частую ячею сетки, а лежали обессиленные, застряв в ней плавниками, изредка открывая и закрывая жабры. Чешуя их на солнце отливала золотом.

В калитке на том берегу показались две женщины в легких платьях, с полотенцами через

плечо. Они прошли к мосткам, разделись, пестрея цветастыми купальниками, а потом, присев на досках, осторожно, грудью вперед, одна за другой соскользнули на воду и поплыли бесшумно, как утки.

— Ты посмотри-ка, моржихи!— громко сказал Коншин и, подобравшись весь, вытягивая шею, крикнул: — Эй, красавицы! На крючок попадетесь!

Не обращая внимания на крик Коншина, женщины продолжали плавать у того берега, переговариваясь между собой и смеясь. Певучий этот смех и мягкие голоса женщин далеко разносились над водой и звучали с какой-то счастливой звонкостью в тишине ясного утра. Они словно бы исходили из отражавшей их глубины, и казалось, что это не женщины говорят и смеются, а сама река, тепло и ласково трепещущая под солнцем.

— И охота тебе кобелировать,— хмуро сказал Пыхов.— Домой, пожалуй, пора... Тут, знаешь, сколько народу будет! Давай-ка лучше донки сматывать.

Коншин повернул к нему радостное, возбужденное лицо и спросил:

— А куда нам торопиться? Не на работу же... Да и поесть не мешало бы, как ты считаешь?

Пыхов промолчал, а Коншин достал из рюкзака свертки с едой, отнес их к палатке и принялся разворачивать, раскладывая на газете колбасу, хлеб, помидоры. «Нет, ты только подумай: рыбаки, а бутылку прихватить не догадались! — как бы шутя, с сожалением приговаривал он.— Ведь расскажи кому-нибудь — засмеют, честное слово!»

Не было в нем теперь ни давешней смущенной беспомощности, с какою стоял он ночью на берегу, когда не сумел подсачить леща, ни той задумчивости, которая сбивала Пыхова с толку, когда Коншин говорил ему о счастье, о ненастойчивости своей, о зависти и просил не обижаться на него, ни даже прежней покровительственной снисходительности.

Просто Пыхов видел перед собой крепкого малого, довольного тем, что удалось ему хорошенько поспать, который и поесть любит, выпить не дурак и не упустит случая приударить за не особо прихотливой бабенкой, вроде таких вот, как эти, в цветастых купальниках; и никто на него никогда не в обиде. Подобных малых охотно приглашают в любые компании, называют почему-то ребятами, хотя и в годах они и жизнью потрепаны достаточно. Сами же эти «ребята» умеют поладить со всеми, а к тому, что лежит за пределами их интересов, относятся с незлобивым презрением, определяя недоступное для них одним идиотским словечком — «фуфло»...

Пыхову было стыдно сейчас. Но стыдился он уже не собственной горячности, с какою толковал ночью Коншину о причастности человека к звездам, о взаимосвязи с природой. И не дружбы с ним он стыдился, а того, что некогда нарочитое самоуничижение его по отношению к Коншину незаметно укрепилось в нем, и всегда чувствовал он себя зависимым и даже вроде бы чем-то ему обязанным. Он предпочитал не спорить, редко возражал Коншину, но и возражая, в душе соглашался с ним, когда тот намекал, что из университета ему пришлось уйти, потому что не давали там развернуться, а слепое следование авторитетам не по нему...

«А может быть, я тоже не способен понять его? Не замечаю в нем чего-то? — думал Пыхов, сознавая, что лишь теперь, возможно, как раз и разглядел то, что ранее было для него невидимым.— Да, тут уж ничего не поделаешь... Столько лет дружили!..»

— Ты о чем-то посоветоваться со мной хотел,— напомнил он Коншину, подходя и присаживаясь на край палатки.— Тебе, кажется, на работе что-то предлагали?

— А-а-а-а... Да так это все... В общем, на место механика. Чепуха это...— Коншин потер руки.— Эх, выпить бы сейчас! Жаль, что бутылку не взяли, а?

— Да, жаль,— сказал Пыхов.

Он подумал, что и в самом деле им хорошо бы было сейчас выпить. Тогда они, конечно, поговорили бы и, быть может, все у них осталось по-прежнему, а ведь им предстоит еще собираться, идти к остановке автобуса, ехать домой... Не будешь же все время молчать! Хотя и говорить-то им теперь было вроде бы и не о чем...

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЛАТОНА ОЙУНСКОГО (СЛЕПЦОВА)

МЫ НЕСГИБАЕМЫМИ БЫЛИ...

Один из основателей якутской революционной литературы, Платон Алексеевич Ойунский, прожил короткую, но завидно плодотворную с точки зрения общественной значимости жизнь.

Выходец из крестьянской семьи, П. Ойунский на собственном опыте убедился, что в дореволюционной Якутии «богатые... сидят на шее... изнуренных рабов, погибающих миллионами в ужасных страданиях». Так выразил еще в 1914 году свое отношение к социальным бедам одной из окраин России будущий известный якутский писатель.

Однако убежденная непримиримость с существующими в ту пору в его суровом и отдаленном от крупных революционных центров крае порядками созрела раньше, когда П. Ойунский стал одним из организаторов конспиративных кружков учащихся Якутии. А к 1917 году он уже сам становится последовательным учеником известных ленинцев Ем. Ярославского, Серго Орджоникидзе, Г. Петровского и к Октябрю приходит в рядах большевиков. «Мы в битвах несгибаемыми были!» — скажет он позже в одном из своих стихотворений.

В это бурное время появляются и первые литературные произведения Платона Ойунского, пронизанные революционным духом, пафосом классовой борьбы и утверждения Советской власти в Якутии. Словом, атмосферой тех событий, в которых сам он деятельно участвовал. Оттолкнувшись от общеизвестной «Рабочей марсельезы», поэт пишет «Песню рабочего». Позже он переводит на родной язык «Интернационал», создает стихи, ставшие впоследствии боевыми песнями якутских тружеников.

Перу Платона Ойунского принадлежат великолепная драматическая поэма «Красный шаман», драма «Туйаарыма-Куо Светлолицая».

Платон Ойунский был автором первых прозаических произведений в якутской литературе. Особенно широко известной в Якутии стала его повесть «Освобождение из тины», острый социальный смысл ее неоспорим. Популярными были пьесы П. Ойунского, шедшие на подмостках республиканских театров.

Платон Алексеевич Ойунский до конца жизни оставался активным общественным деятелем, прошедшим путь от учителя начальной школы и организатора Советской власти в Якутии до наркома просвещения и здравоохранения, а также руководителя Союза писателей Якутской АССР.

Наша многонациональная литература широко отмечает восьмидесятилетие со дня рождения выдающегося якутского писателя Платона Ойунского, отдавшего всю свою жизнь служению народу.

Олег ЗВЕРЕВ

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. Я. КИРПОТИНА

ВКЛАД ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Крупнейший советский литературовед В. Я. Кирпотин сказал свое слово, и поныне не утратившее звучания, едва ли не во всех главных областях истории русской литературы. Его работы тридцатых годов о Пушкине, Лермонтове, Некрасове были совсем недавно переизданы. Его книга о Писареве и поныне остается исходной «точкой отсчета» при изучении этого яркого и нелегкого критика. В. Я. Кирпотин — член многих редколлегий, издававших собрания сочинений Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Писарева, Гл. Успенского...

Особенно внушителен вклад, сделанный В. Я. Кирпотиным в исследование творчества Щедрина и Достоевского. Сегодня юбиляр работает над рукописью книги об «Идиоте». Отдельные фрагменты уже появились на страницах журнала «Знамя». Всесторонне исследуя Достоевского, проявляя при этом завидную эрудицию, максимум объективности и научной добросовестности, В. Я. Кирпотин счастливо преодолевает академическую беспристрастность. В книгах о молодом Достоевском, о его сложных взаимоотношениях с Белинским, о литературно-эстетических и общественных позициях Достоевского в «шестидесятые годы», о романе «Преступление и наказание» даже сама объективность автора имеет полемический подтекст и точный идейный прицел: она направлена против тех прочтений и толкований Достоевского, на которые так щедро идеалистическое, в первую очередь буржуазное, достоевсковедение и которые долгое время заслоняли от читателя подлинного Достоевского — гениального художника и страстного, до исступленной боли за поруганную человечность, гуманиста!

Беспристрастность, олимпийский академизм органически чужды В. Я. Кирпотину. И если уж определять тот тип ученого, который он так полно и ярко выражает, то наиболее точным словом, передающим существо самого его исследовательского метода, будет партийность.

Ощутимо влияние на текущий литературный процесс и Кирпотина-критика. Горький, Ал. Толстой, Шолохов, Д. Бедный, Леонов, Серафимович, Гладков — его работы об этих признанных классиках советской литературы появились еще в то время, когда вокруг их произведений развертывались горячие дискуссии, и потому во многом способствовали раскрытию роли и значения названных писателей как зачинателей социалистического реализма. Выступает с критическими статьями Кирпотин ярко, содержательно, остро и в сегодняшней периодической печати, на полосах газет «Правда», «Известия», «Комсомольская правда»...

Валерий Яковлевич Кирпотин встречает свой юбилей за рабочим столом. Пусть же исполнятся все его творческие замыслы.

В. БОГДАНОВ,
доцент, кандидат филологических наук

Самый массовый транспорт

Марат ЦЕБОЕВ

Фото автора

Пожалуй, нет смысла спрашивать у москвича: какой вид транспорта в столице считается самым массовым! Едва ли не каждый ответит: метро. Его поезда перевозят в день 5 миллионов пассажиров. Но есть вид транспорта, который в этом отношении вдвое превзошел метро и который статистика объявила абсолютным чемпионом. Это... лифты. В Москве их около 32 тысяч, и за день они перевозят с этажа на этаж до 10 миллионов человек.

Лифт был известен еще древним римлянам в I веке до нашей эры. Более поздние сведения о нем относятся к VI веку. Кабину лифта, подвешенную на канате, установили в Синайском монастыре в Египте. Простейший механизм приводили в движение быки и лошади. Лифт Виндзорского замка в Англии и «летающий стул» Велайера в одном из парижских дворцов появились еще через одиннадцать веков.

А с середины XVIII века начали применять пассажирские лифты и в России. Это первые подъемники дворцовых построек Царского Села и подмосковной усадьбы Кусково. Для Зимнего дворца в 1795 году была разработана конструкция винтового пассажирского лифта. Автор ее — Иван Петрович Кулибин. На изготовление одного подъемного механизма механику-самоучке потребовалось шесть месяцев. Карачаровский механический завод делает за это же время более 2 тысяч лифтов.

Современный лифт — это сложное, автоматизированное устройство. На Карачаровском ордена Октябрьской Революции механическом заводе освоено шесть типов пассажирских лифтов, отличающихся грузоподъемностью и скоростью. Кроме Советского Союза, они работают еще в сорока странах...

...Башня из бетона и стекла, нацелившаяся макушкой в небо, видна издалека. В ней каждый день проходят испытания одновременно пять лифтов. Они мчатся вверх и вниз. И так до тех пор, пока группа инженеров и конструкторов во главе с руководителем службы надежности Валерием Павловичем Полянским не даст окончательное «добро»: лифт к эксплуатации готов.

Рядом в лабораторном корпусе проверяют масляный буфер — устройство, гасящее скорость свободного падения кабины. Инженер Александр Марченков стоит у пульта, нажимает кнопку, и имитатор кабины с тяжелыми чугунными чушками падает с трехметровой высоты. Буфер плавно опускается и гасит падение при помощи гидравлики. Все данные фиксируются самопишущим прибором. Если удары жесткие, то масляный буфер бракуется.

Опыту с буфером придается большое значение, хотя практически еще не было случая обрыва стальных канатов: они имеют шестикратный запас прочности. Даже если канаты и оборвутся на высоте, то моментально от размыкания цепи сработают клинообразные ловители. Кабина успеет спуститься лишь метра на полтора. Если же авария произойдет на 1-м этаже, то тут уж сработает масляный буфер, устанавливаемый на дне шахты. Как видите, лифт, в общем-то, безопасный вид транспорта.

В испытательный комплекс входит и шумометрическая камера, где лебедки держат экзамен на шум и вибрацию. Шумам объявлена беспощадная борьба.

— Знакомые,— говорит приборист Василий Борисов,— иной раз жалуются на шум лифта в новом доме. Обидно, что жалобы обращают в наш адрес. Приходится объяснять, что все зависит от того, насколько добросовестно строители делают звукоизоляцию...

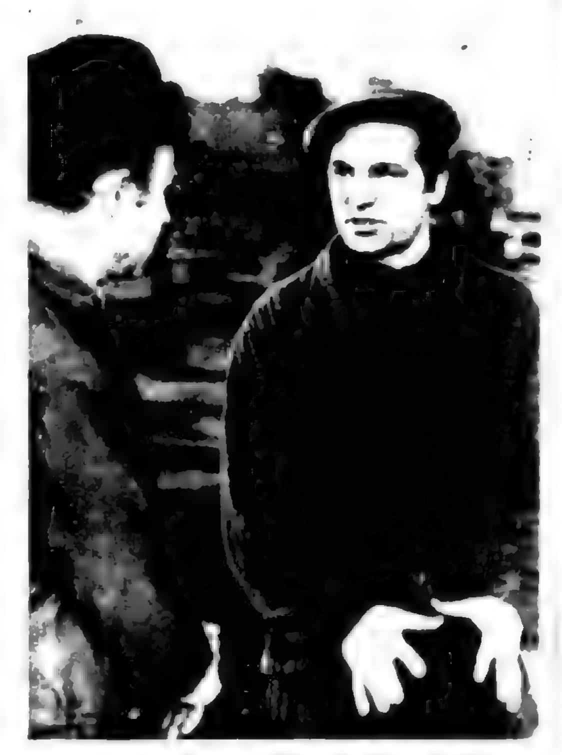
Лифты в наше время красивы, удобны и быстры. Скорость лифта Останкинской телебашни достигает 7 метров в секунду. А по грузоподъемности рекорд пока держат японцы: двухэтажный лифт, построенный фирмой «Хитачи», поднимает одновременно... 200 пассажиров.

...Центральное проектно-конструкторское бюро по лифтам — ЦПКБ — разработало и уже внедряет новую систему группового управления лифтами. Что это означает?

Представьте, что вы находитесь на 9-м этаже шестнадцатиэтажного дома. В нем три лифта. Чтобы быстрее спуститься, вы нажимаете сразу три кнопки и садитесь в тот, который первым поднялся. А два других тоже следуют вверх, хотя нужды в этом нет. Как быть?

При системе группового управления на каждом этаже устанавливают всего по одной кнопке. После вызова приходит тот лифт, который в данный момент ближе всего к вам и чье направление совпадает с заданным вами. А если ближайший лифт перегружен? Тогда он автоматически передаст задание другому. Экономично и удобно. В прошлом году примерно в ста двадцати домах Москвы были установлены лифты с такой групповой системой управления. Их делали на Карачаровском заводе.

Известно, что организм человека плохо переносит большие ускорения. А как же путешествовать в лифтах будущего с их большими скоростями? Инженеры-конструкторы ЦПКБ решили и эту проблему. Ученые пришли к выводу, что для суперскоростных лифтов необходимо создать систему гидравлического привода. Тогда разгон и остановка кабин будут происходить плавно. Проще станет и система регулирования скоростей. Словом, лифт, как и любой вид транспорта, непрерывно совершенствуется. И главные требования к нему — надежность, экономичность, комфорт.

Бригадир слесарей Герой Социалистического Труда Д. А. Никитин.

Слесари-сборщики С. Хуторянский, Е. Власова, Л. Горин, Г. Коломичева, В. Родин (бригадир), С. Серов.

Испытательный комплекс.

Саша Лосев в цехе самый молодой.

Первый в мире лифтовый конвейер.

Технологический отдел всегда в поиске...

ПО ВЕЛИКОЙ КАМЕННОЙ РЕКЕ

ЗА ГОРИЗОНТОМ ГОРИЗОНТ

Ю. ЛУШИН, фото Г. КОПОСОВА, специальные корреспонденты «Огонька».

За Константиновым Камнем почти на горизонте мерцает зеленовато-белая полоса. Лед. Там начинается побережье Ледовитого океана. Даже не верится, что мы стоим у самых истоков великой «каменной реки», протянувшейся отсюда на две тысячи километров, до оренбургских степей. Имя этой реки — Уральские горы. Как охватить взором всю эту необъятность!

...Урал! Мы путешествовали по его дорогам, по берегам великой «каменной реки», открыв для себя только часть ее души... Итак, здравствуй, Урал!

ДЛЯ ДЕЛА ВЫХОДНЫХ НЕТ...

Он сидел передо мной в напряженной позе человека, которого тяготит интерес к собственной персоне. Его руки с синими угольными точками, не привыкшие, видно, оставаться без дела, то беспокойно метались по скатерти, то прятались под стол. И мне хотелось сказать ему: «Да не прячьте вы, Дмитрий Тимофеевич, свои руки, они же прекрасны». Но боялся этим смутить его еще больше. За окнами звенела под солнцем воскресная Воркута, и я предложил: «Может быть, познакомите меня с городом, вы же давно тут живете?» «Да, конечно»,— с облегчением откликнулся он.

Мы вышли и не спеша двинулись по шумным улицам. Нещадно палило солнце, но мало кто стремился в тень. Воркутинцы отлично знают цену теплу, знают, что через три месяца снова придет тягучая полярная ночь, а потому и ловят каждый солнечный луч. На углу жарились шашлыки, росла очередь за квасом, прохожие несли в авоськах апельсины и яблоки, хозяйки раскрывали окна настежь, и я подумал, что сейчас заполярный город похож скорее на какой-нибудь южный.

— Скажите, — словно угадав ход моих мыслей, обратился Дмитрий Тимофеевич ко мне,— вы, наверное, бывали во многих городах, чем отличается от них Воркута?

— Как вам сказать, наверное, ничем... Вот если бы на улицах у вас еще росли деревья.

— Вечная мерзлота, — объяснил он, — цветы растут, а деревья отказываются. Но не везде. Мерзлота все же не всемогуща. И деревья у нас тоже есть, целая роща. Хотите, покажу? — И, не дожидаясь согласия, быстро зашагал вперед. Вскоре мы вышли на берег небольшого озера, обрамленного бетонным парапетом. В воде отражалась антенна вездесущей «Орбиты» и белые облака, по которым, разрезая их, сновали прогулочные лодки. А там, дальше, на другом берегу действительно шумела листьями рощица каких-то деревьев.

— Ивы,— сказал он, когда мы подошли ближе.— Привозим из тундры и вкапываем. Жить остается примерно одна из сотни...

Между ивами были натоптаны тропинки, как в настоящем лесу, мамы прогуливали тут своих малышей, девушки назначали свидания.

— Наверное, вырастить эти ивы потруднее, чем выдать на-гора сверхплановый эшелон угля?

— Потруднее,— согласился он.— Когда я еще мальчишкой приехал в Воркуту, об этом здесь и не мечтали. И улиц, по которым мы сейчас ходим, тогда не существовало. Вы, кстати, самолетом прилетели? — вроде бы не к месту вдруг спросил он.

— Самолетом.

— Вот. А тогда многие утверждали, что из-за сплошных воздушных ям самолеты в наших местах летать не смогут, что радиосвязь налаживать бесполезно — полная непроходимость радиоволн, что вечная мерзлота поглотит все дома. Вздор, конечно, который сейчас и вспомнить смешно, но в то время многие уезжали отсюда. И из-за этого и из-за действительных трудностей. Это сейчас у нас театры, плавательные бассейны, теплицы, огурцы круглый год, магазины, полный комфорт в квартирах. Но Заполярье остается Заполярьем. Остаются сногсшибательные, в буквальном смысле слова, ветры, вечная мерзлота, морозы и пурга, полярная ночь... Недаром в городе действует постоянный штаб по борьбе со стихией.

— Но вы-то не уехали?

— Не уехал. Это моя земля, и я ее люблю. Я ведь коми по национальности, родился в деревеньке Лыжа, не так далеко от Воркуты. Это моя земля,— повторил он.— Если ей плохо, то и мне плохо, а я хочу, чтобы ей было хорошо.

Я посмотрел на него внимательно. Ни тени сентиментальности, ни тени рисовки. Он говорил просто, как думал. Вернее, он думал вслух. И в тот момент я начал понимать, почему Дмитрий Тимофеевич Филиппов стал первым почетным гражданином этого заполярного города, Героем Социалистического Труда, почему горожане выбирали его своим депутатом в Верховный Совет СССР, а депутат городского Совета он, кажется, вечный.

— Вы приехали в Воркуту, чтобы стать шахтером. Наверное, это нетипично для коми?

— Вы хотите сказать, что для коми типичны профессии оленевода или охотника? Может быть, только тогда придется объявить и шахты, и нефтяные вышки, и газопроводы тоже нетипичными для Коми республики. Но по запасам нефти мы начинаем соперничать с традиционными нефтедобывающими районами страны, а из воркутинского уголька в Череповце делают самый лучший в стране кокс. Как это о нем говорят: обладает крепостью донецких углей и чистотой кузнецких. Вот так.

— Честно говоря, об этом я уже слышал.

— Ну, вот видите,— довольный, рассмеялся он.— А я впервые узнал об этом внизу, в лаве, когда пришел, окончив училище, на практику в шахту номер один. Кстати, на ней я работаю до сих пор... Спустился вместе со сменой. В лаве темно, жутко, таинственно. Откуда-то сверху капает, снизу тоже вода, но шахтеры идут как ни в чем не бывало, даже шутят. Я их почти и не слышу, о своем думаю. Что же я тут делать буду? Сердце от тоски сжалось. Тут машинист врубовой машины хлоп меня по плечу, словно бы разбудил. Оказывается, пришли. «Давай-ка,— говорит,— парень, машину в боевую готовность приведем — и вперед». Прошли мы метров десять пласта, и машинист остановил машину. «Все,— говорит,— шабаш, смене конец». Я не поверил, а он смеется: «Может, на вторую смену останешься?» А на другой день машинист мой заболел, и мастер говорит: «Спускайся в лаву, начнешь работать самостоятельно, иного нет выхода». «Да я же не знаю, куда идти»,— говорю. «Иди, куда люди пойдут».—И втолкнул в клеть, как в воду бросил. И вот иду, украдкой пачкаю себе нос и щеки угольной пылью, чтоб, значит, юный мой возраст не так в глаза бросался. А в лаве уже страсти кипят. Люди гомонят: «Где машинист?» «Здесь»,— отвечаю,— и скорее к машине. А она на самом верху в конце лавы. И это значит, что мне надо снова спускать ее вниз, потому что она уголек рубала только при движении вверх. Такая была конструкция. Делаю все по инструкции. И вот едва я выбил муфту, как машина моя ухнула вниз, только ее и видели. Вероятно, вид у меня был такой растерянный, что в лаве покатились со смеху.

— Эй, парень, ищи ее теперь в Америке, на другой стороне шарика! — кричали мне остряки, когда я, схватив кабель, ринулся вниз по лаве. Шутки шутками, а от машины моей следов никаких, будто и вправду под землю она ушла. Что тут делать? Не возвращаться же наверх, засмеют. Слезы обиды выступили на глазах, благо темно, никто не видит. И тут вдруг раздался голос из темноты, спокойный такой: «Не огорчайся, парень, за один день настоящим шахтером не становятся». Вы понимаете, каким добрым волшебником оказался тот шахтер! Помог мне откопать врубовую машину, она глубоко зарылась в штыб, а сам исчез. Так я до сих пор и не знаю, кто это был. Включил я машину и пошел рубать уголь. За смену успел пройти тоже около десяти метров — это всего несколько десятков тонн. Если с теперешним временем сравнить, то каждая лава сейчас выдает в сутки тысячу тонн, а некоторые и больше.

— Значит, работа шахтера стала легче?

Буровая Командир-Шор — еще одна надежда нефтеразведчиков.

Вуктыл. Оператор газосборного пункта В. Д. Гавриков.

Речной порт в городе Печоре.

Геннадий Евгеньевич Трофимов — начальник Ухтинской геологоразведочной экспедиции.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ

«Семь богатырей» — каменные столбы на Северном Урале.

— В смысле технического совершенствования неизмеримо легче. Нынешние механизированные комплексы просто чудо. А комбайны какие! Сейчас по последнему слову техники строится у нас Воргашорская шахта, так она будет в год выдавать четыре с половиной миллиона тонн угля. Представляете? А в остальном работа шахтера осталась трудной, тяжелой. Иногда и рискованной,— как бы с усилием добавил он. И сразу замолчал, ушел в себя. И я как-то понял, что не надо пока его спрашивать ни о чем. Что-то, видно, взволновало его, всколыхнулось в глубине души. Что?

Об этом я узнал позже. Частично от самого Филиппова, а больше от людей, близко знавших его. Под праздник 8 Марта ему выпала ночная смена. Он вышел из клети, привычно осмотрел комплекс и привычно-коротко спросил сменщика: «Ну как?» И получил привычно-короткий же ответ: «Нормально». Еще раз проверил систему механизированной крепи, включил комбайн — и работа пошла. Всю 120-метровую лаву они проскочили за 40 минут. Это его обрадовало. Он представил себе, как на «Северной» парни из бригады Карманова выжимают сейчас всё из своего комплекса, и подумал, что сегодня-то кармановцам его не догнать. Если, конечно, и дальше так пойдет. Только-только он попытался снова пустить машину, как что-то темное, жестокое в своей неотвратимости сшибло, ударило, скрутило его, и с той минуты он больше ничего не чувствовал. Узнал толь-

Старейшина ухтинских геологов Герой Социалистического Труда Андрей Яковлевич Кремс.

Город в Заполярье — Воркута.

ко потом: огромная угольная глыба обрушилась на комбайн и ближнюю стойку,— зацепила его краем и припечатала к лаве. Если бы не стойка...

Пульс его едва прослушивался, но в светлом штреке он пришел в себя, узнал знакомые лица, увидел медсестру в белом халате, ничего не понял и спросил: «Почему стоим, почему не едем? Включайте комбайн». И снова впал в забытье. К счастью, переломов у него не было, только ушибы и сильнейшее сотрясение мозга. Но в больнице, придя в себя, он вдруг с ужасом обнаружил, что потерял память. Забыл даже, как звать дочерей и жену. После неимоверного напряжения вспомнил, что имя старшей начиналось на букву Т. Остальное не вспоминалось. В бессилии он сжал кулаки, и вдруг в глаза ему бросилась татуировка на левой руке: «НАСТЯ», сделанная им по глупости в далекие юные годы. «Настя»,— прочитал он еще раз.— «Настенька, жена моя!..»

С этого момента Филиппов пошел на поправку и все допытывался у хирурга, когда можно будет спускаться в шахту. Доктор отмалчивался или отделывался шутками, хотя сам уже знал, что Филиппову шахтером больше не быть. Филиппов же узнал об этом только через два месяца, после возвращения с курорта. Весть эта словно оглушила его, не мог в это поверить. «Я здоров, смотрите — вот мои руки, слушайте — вот мое сердце...» Врачи сожалеюще качали головами, они знали о нем больше, чем он сам о себе. «Под землю нельзя. Легкие работы — это для вас. Или пенсия — это тоже по закону». «Навсегда?» «Нет, но на ближайшие годы точно».

Филиппов пошел на курсы машинистов подъема, окончил их и теперь опускает парней из бывшей своей бригады до отметки «800», туда, где недавно сам добывал уголь, и поднимает их на-гора. «Ответственная работа»,— говорят ему, желая подбодрить. «Ответственная»,— грустно соглашается он, а в глазах тоска...

Тогда в ивовой рощице на берегу искусственного озера в центре Воркуты я еще не знал этого, а он, помолчав, поднялся со скамейки и сказал:

— На шахту мне надо, дело у меня есть.

— Вы же сегодня выходной,— возразил я.

— Неважно, для дела выходных нет.

Я пошел с ним рядом до автобуса. Мне хотелось задать ему еще один вопрос, и я спросил:

— Вы многого достигли в жизни: Герой Социалистического Труда, награждены всеми тремя знаками Шахтерской Славы, почетный шахтер. Далеко не каждому удается такое. Как этого достигнуть? Представьте себе, что перед вами юноша, молодой шахтер, впервые в жизни спускающийся в лаву. Какое напутствие вы бы дали ему?

— Знаете, я часто думаю вот о чем. Работают рядом две ткачихи. Все у них одинаково: станки, нить, приспособления, время работы, опыт, а продукции одна выдает в полтора раза больше другой? Почему? Или два токаря. При совершенно одинаковых условиях один обслуживает три станка, а другой — только два. Опять же почему? В сущности, то же самое происходит и в шахте, хотя у нас гораздо сложнее. Но все-таки почему одна бригада идет впереди других? Размышляя об этом, я пришел к такому выводу. Дело в малозаметных мелочах, на которые иные не обращают внимания. Надо бы, допустим, такой-то узел машины хорошенько осмотреть и смазать, хотя машина вполне исправно еще работает. Один думает: зачем время терять попусту, все нормально, и продолжает работать, а потом вдруг удивляется, что машина не тянет или, того хуже, вышла из строя. Другой, потратив полчаса на осмотр и смазку, на такой же машине раза в два перекрывает норму. А таких мелочей в работе сотни, из них в конечном итоге и получаются сверхплановые тысячи тонн угля. Значит, все это не вдруг. Я думаю, что когда человек считает, так сказать, прозу работы тяжкой и нелепой необходимостью, то он просто не любит свою профессию, и ему нужно ее менять. Поэтому я бы сказал молодому шахтеру, впервые идущему в лаву: «Дружище, там, внизу, тебе сначала будет очень трудно, но помни, что ты несешь людям свет и тепло. Дорожи честью нашей шахтерской профессии. Если же она покажется тебе скучной прозой, то не фальшивь, не обманывай себя и товарищей, лучше сразу уходи из шахты. Так будет честнее».

ПУТИ-ДОРОГИ

Раньше мне почему-то казалось, что Урал досконально изучен и так густо заселен, что яблоку негде упасть. Может быть, это более или менее справедливо для Южного Урала, чего никак не скажешь о Северном и тем более о Полярном. Третий час крутит винтами наш «МИ-4», а внизу все та же бескрайняя тайга без малейших признаков жизни. Сотни километров совершенно необжитых пространств — тайга, горы, болота, тундра. И никаких дорог. Еще в Сыктывкаре первый секретарь обкома партии Иван Павлович Морозов примерно так говорил по этому поводу:

— Транспортные связи — проблема проблем. Зимники у нас держатся только с декабря до марта, потом все раскисает и точка — ни проехать, ни пройти. Между тем дороги вроде строятся. Лесники себе что-то строят, газовики себе, геологи себе, нефтяники себе. А в итоге ни дорог, ни средств. Почему бы Минтрансстрою не взяться за это дело, скоординировать силы, средства, направить их в одну точку. Даже простые грунтовые дороги принесли бы нам огромную пользу...

Дороги дороги, но бездорожье еще дороже. Сколько об этом уже писано и переписано! И вроде бы совестно повторять избитые истины, да куда же деваться. Речь ведь не о том идет, чтобы строить дороги в глухих местах, так сказать, вообще, речь о том, чтобы провести дорогу в край, ставший известным своими богатствами — лесом, нефтью, газом или другими полезными ископаемыми. И чем быстрее придет туда дорога, тем меньше погублено будет техники, скорее начнут осваиваться скрытые доселе кладовые земли.

В Усинске, будущей нефтяной столице края, все как-то очень живо напомнило мне о самом начале нефтяного Сургута в Тюменской области. Та же пыль по колено в жаркое время или по колено же грязь в дожди. То же бездорожье, та же острейшая проблема жилья, та же текучесть кадров, когда ежедневно увольняется почти столько же, сколько принимается на работу, тот же великий спрос на культуру, неудовлетворяемый предложением, и даже та же самая комариная поговорка, невесть как перевалившая через Уральский хребет: комары тут такие, что если возьмешь одного в кулак, то сверху усы торчат, а снизу ноги.

К 1985 году Усинск должен стать городом нефтяников со 125-тысячным населением. Теперь же приезжий может увидеть лишь временный поселок на 10 тысяч жителей и все, что описано выше. Мы как будто не хотим учитывать опыт прошлых лет, хотя бы того же Сургута, и повторяем старые ошибки. Уже сейчас будущий город проектируют и занимаются им почти два десятка различных организаций, взаимоотношения между которыми сложны, запутанны и подчас противоречивы. Понятно, что делу это не помогает: у семи нянек, известно, дитя без глазу. Город начинается, но база для его развития, по сути дела, не создана, что неумолимо приведет к замедлению жилищного строительства и обострению связанных с этим проблем. Конечно, так или иначе они решатся со временем, но это ведь не лучший вариант.

— Усинскую структуру геофизики предсказали еще в самом начале шестидесятых годов,— говорит начальник Усинской нефтеразведочной экспедиции Владимир Артемьевич Фаградов.— И первая же пробуренная скважина дала фонтан нефти. Он был скромнее тюменских, но сразу насторожил геологов. Тогда специально для разведки структуры организовали нашу экспедицию. В 1967 году мы получили мощный фонтан нефти — восемьсот кубов в сутки. Он на всю страну прогремел. Потом еще были фонтаны, и через три года мы вышли на защиту запасов — цифра получилась солидная. Но нам тогда не поверили... Сказали, чтобы мы не торопились, хорошенько проверили данные разведки и расчеты, тщательнее определили границы нефтеносной площади. Детальная разведка показала, что Усинское месторождение еще богаче, чем мы предполагали. В 1972 году мы вновь вышли на защиту запасов, и нам их утвердили. Сейчас наша нефть идет уже на переработку по только что построенному нефтепроводу Усинск — Ухта и дальше пойдет на Ярославль. А разведку мы продолжаем.

— Каковы перспективы?

— Очень заманчивые. Усинская структура представляет собой лишь часть громадного Колвинского вала, протянувшегося от реки Усы до самых ледовитых морей. Сколько и каких здесь может оказаться нефтеносных структур, покажет разведка. Сейчас весьма обнадеживающие результаты дает Возейская площадь, особенно северная ее часть. Мы полагаем, что по масштабам она не уступит Усинскому месторождению, а возможно, окажется еще богаче. Следовательно, в будущем мы выйдем по запасам на второе место после Тюмени. Вот какие горизонты открываются перед нами!

Горизонты... Третий час крутит винтами наш «МИ-4», открывая горизонт за горизонтом, а под нами все та же бескрайняя тайга.

Я лечу на Северный Урал, туда, где начинается великая северная река Печора. В пути я познакомился с начальником Ухтинской геологоразведочной экспедиции Геннадием Евгеньевичем Трофимовым. Мы сидели с ним у вечернего костра и беседовали о богатствах Урала.

— На Урале все есть,— говорил, поблескивая стеклами очков, Геннадий Евгеньевич.— Все есть, только ищи. Причем поиски нужно вести обязательно комплексно.

— Вы говорите нужно. Значит, пока этого не делается?

— К сожалению, почти не делается, сил не хватает.

И стал рассказывать о самых разных направлениях геологических разведок. Значит, оно ошибочно, мнение, что на Урале давным-давно все открыто и искать там нечего. А по всему выходит, что неизведанных путей-дорог здесь хватит еще на многие годы.

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ

В Ухте только и слышу: Кремс, Кремс, Кремс...

Спускаюсь в нефтяные шахты (не правда ли, сочетание слов «нефть» и «шахта» совсем непривычно?), единственные в нашей стране. Оказывается, это не обычная нефть. Она настолько вязка и залегает на такой малой глубине, что об обычном способе разработки и речи быть не могло. Первую шахту построили еще до войны, но до недавнего времени коэффициент извлечения нефти был низок — в лучшем случае 94 тонны нефти из 100 оставались под землей. Понятно, что это задевало самолюбие геологов, тем более что вязкая нефть обладает многими качествами, которых нет у обычной. Например, из нее делают дефицитные морозостойкие масла, высшего качества битум, лакокраски и т. п. И вот шахта. Песчаниковые стены в темных потеках. Прямо из стен тут и там торчат трубы, снабженные, совсем как в бане, кранами. Впечатление бани усугубляется шипением пара, который вдруг вырывается кое-где из трещин в стене.

— Вы что,— спрашиваю полушутя-полусерьезно,— паровое отопление в шахту провели?

— Нет,— смеется молодой инженер Геннадий Вахнин, мой спутник,— пар мы закачиваем в нефтяной пласт, нефть от тепла разжижается и устремляется в горизонтально пробуренные скважины. При этом способе коэффициент извлечения повысился до тридцати пяти процентов. Вот смотрите.— И Вахнин открыл один за другим несколько кранов. Из них хлынула коричневая маслянистая жидкость — нефть. Я подставил ладонь под одну из струй и отдернул руку: нефть была горячей.

— Кто же придумал этот способ? — спросил я и услышал в ответ:

— Кремс.

...Лечу на Вуктыл, на знаменитые газовые промыслы. Здесь разведано около 400 миллиардов кубометров газа, а суточная добыча составляет сейчас 42—43 миллиона кубов. Кроме того, Вуктыл дает более половины конденсата, добываемого всей газовой промышленностью страны. В вертолете читаю в местной газете статью какого-то энтузиаста: «... бурятся в настоящее время глубокие скважины №№ 38, 39. При удачной проходке до глубины 6 000—6 500 метров они должны открыть богатые залежи девонского конденсатного газа с очень крупными запасами, то есть открыть, по сути дела, «второй глубокий Вуктыл». Ухтинские геологи считают, что в этом случае общие запасы газа на Вуктыльском месторождении могут составить весьма солидную цифру порядка одного триллиона кубометров». Подпись энтузиаста: «А. Кремс».

...В индустриальном институте идет защита дипломных проектов. Дипломант развешивает свои ватманы, готовится. У ватманов полушепотом спорят о проекте бурения в море, в шельфовых водах северного побережья. И вдруг, словно вопль души: «Ох, боюсь, что-то скажет об этом председатель госкомиссии Кремс?»

...В горкоме партии слушаю рассказ о городе, о его людях.

— Еще есть у нас УМАН — Ухтинская малая академия наук, на десяти факультетах которой (имеется даже факультет журналистики) школьники старших классов знакомятся с основами разных профессий, а часто и выбирают здесь свою дорогу в жизни. Занятия в академии ведут геологи, врачи, юристы, инженеры, а президент и основатель ее — Андрей Яковлевич Кремс, доктор геолого-минералогических наук, Герой Социалистического Труда.

И вот, наконец, встреча. Кремс, как на лекции (видимо, привычка), расхаживает по кабинету, известному всей Ухте своими знаменитыми геологическими вторниками, на которых спорили до петухов: быть ли в Ухте большой нефти и газу? После многочисленных открытий, в которых он принимал участие в качестве геолога, затем главного геолога и заместителя начальника Ухтинского геологического управления по научной части, споры давно прекратились.

— Известно ли вам, — вопрошал он меня громким голосом,— что первый образец российской нефти доставлен в Москву отсюда, из Ухты? Было это еще при Борисе Годунове, а нефть тогда называли «горюча вода густа». Здесь же находили и горючий сланец «дымянит». За его образцами в 1697 году Петр I послал даже экспедицию, замышляя из сланцев получать светильный газ... А теперь взгляните на карту. Тут обозначены перспективные площади на нефть и газ. Как видите, они располагаются по всей гигантской Тимано-Печорской (Тимано-Уральской) провинции и сулят самые радужные надежды в будущем. А известно ли вам, что если перевести в условные тонны все топливо — и газ, и конденсат, и нефть, которые даст в этом году Ухта,— то получится, что мы перегоняем Баку. А к 1980 году мы по плану должны перегонять Азербайджан уже вдвое. И это обязательно будет...

В Ухте Кремс появился в тот момент, когда мало кто верил здесь в целесообразность геологических поисков. К тому же вскоре началась война.

— Кремс, зачем свои фантазии выдавать за действительность, зачем сорить государственными деньгами? Идет война, и каждая народная копейка на счету, — говорили ему. — Кроме шахтной нефти, в Ухте ничего нет.

— Ухта — настоящая кладовая,— возражал он, — и именно потому, что сейчас война, мы быстрее должны подобрать ключи к этой кладовой.

Кремс понимал, что многим рискует в такое время, но против своей совести и научных воззрений идти не мог. Уже тогда он был известным геологом, награжденным в 1931 году орденом Ленина (№ 1711) за предсказание и открытие нефти в Подкирмакинской свите на Бакинских промыслах (тогда в нее тоже никто не верил). Он, ученик и соратник академика И. М. Губкина, основоположника советской нефтяной науки, отстаивал его предвидение: обширный Тимано-Печорский район перспективен для поиска нефти и газа. Он не понимал, как можно игнорировать мощный газовый фонтан, полученный еще в 1935 году у деревни Крутой, и утверждать, что дальнейшую разведку вести бесполезно. «Показался конец ниточки, — рассуждал он,— потяни за него и распутаешь весь клубок». Кремс, конечно, знал, что фронту горючее требуется немедленно, и обосновал вместе с другими геологами необходимость закладки еще двух нефтешахт. Но, с другой стороны, он не отступил от требования усилить поисковые работы в районе Вой-Вожа и сам немедленно выехал туда. Ехать пришлось верхом на лошади: другого транспорта в то время не существовало. В тайге он сбился с пути, угодил в болото, вымок, промерз и на буровую приехал с воспалением легких. Но, просмотрев, лежа в постели, керны, забыл о своей хвори.

— Друзья мои, — возбужденно говорил Кремс буровикам,— скоро к нам придет победа. Вы обязательно получите здесь нефть или газ. Вот увидите.

Его уверенность передалась рабочим, и дело пошло еще быстрее. Несмотря на это, споры о целесообразности поисков на Вой-Воже не прекращались, пока газовый фонтан, ударивший здесь в конце лета 1943 года, не заставил скептиков замолчать. Потом еще одна скважина дала газ, были обнаружены также промышленные запасы нефти, и все окончательно убедились, что это не случайность. У Кремса душа пела от счастья, но его ждал удар с неожиданной стороны. В один из таких счастливых дней пришла с фронта похоронная на сына Льва, и свет померк в его глазах. Он замкнулся в себе и еще больше ушел в работу.

Кремс был уверен, что давно пора внедрять в разведку методы геофизики. Он доказывал, что в условиях бездорожья, тайги и болот это единственно надежный путь к успеху.

— Но ведь газ на Вой-Воже,— возражали ему, — открыли с помощью структурно-колонкового бурения, старым, испытанным методом.

— А с помощью геофизики мы нашли бы его на несколько лет раньше, — убеждал ученый.

Сторонников у него было мало. Сейчас любой геолог не может себе представить поиска без геофизики, тогда же она была делом почти неслыханным. Почему ученый шел наперекор сложившемуся мнению? Зачем рисковать? Наверное, мог ведь сидеть спокойно и пожинать плоды удачи. Но Кремс, иначе он не был бы Кремсом, настоял на своем, и первые отряды геофизиков отправились в верховья Ижмы и на Омру. Вскоре в Верхне-Ижемском районе они открыли Нибельскую структуру. Теперь и Кремс и его противники понимали, что только бурением можно подтвердить предсказания геофизиков и положить конец спору. Победная весть с Нибельской структуры пришла к концу войны — разведочная скважина вскрыла мощную газовую залежь. Разведанные запасы газа позволили в срочном порядке приступить к строительству Сосногорских сажевых заводов, очень нужных стране.

Наступила мирная, послевоенная жизнь, но на геологическом фронте спокойствия не было. Дальнейшие поиски ни к чему не приводили. Несколько структур, подсказанных геофизиками, оказались пустыми. Что же, геофизика не оправдала себя? Успех был случайным? Многие так и считали. Кремс же продолжал верить в геофизику и искать причины неудач. А в это время в плане геологоразведочных работ геофизические методы вновь уступали место структурно-колонковому бурению. Кремс обиделся, но планам подчинился. Он был уверен, что истина все равно победит, и продолжал бороться за нее.

Из Москвы приехали опытные специалисты по электроразведке и сейсмике. Они подтвердили предположения Кремса — причина неудач в плохом качестве записей на сейсмографах.

Кремс снова добивается посылки отряда геофизиков. И сразу удача — установлена Джеболская структура. Она сразу заявила о себе мощно и властно. Фонтанировали две газовые скважины с дебитом в миллион кубов за сутки. Следующие три тоже дали газ, какого Ухта еще не видывала. Джебол заставил, наконец, всех серьезно отнестись к Ухте, и Кремса это радовало более всего. Почти одновременно на карту наносится еще одна перспективная структура — Западно-Тэбукская, и на ней тоже разворачиваются разведочные работы. И вдруг неожиданная ошеломляющая весть — катастрофически падает дебит газа на Джеболе. Случилось то, от чего в геологии никто не застрахован. Скважины вскрыли не широкие газоносные пласты, а своеобразную линзу в толще земли, сравнительно ограниченных размеров с запасами не более одного миллиарда кубометров газа. Это выявила дальнейшая разведка.

Неудачи с Джеболом породили у некоторых панику. «Если у нас и в следующем году окажутся такие же результаты, то наш партийный долг поставить перед правительством вопрос о передаче выделенных нам средств в другие перспективные районы»,— говорили они.

— Наш партийный долг еще более расширить район поисков,— стоял на своем Кремс. — Ухта скоро заговорит в полный голос.

И она заговорила. Да еще как! На Западно-Тэбукской площади были найдены крупные запасы легкой нефти. Но Кремс не спешил принимать поздравления. Еще свежа была в памяти джеболская история. Между тем природа, словно устав сопротивляться, отдавала людям свои нефтяные и газовые богатства одно за другим. Среди целого ряда месторождений было открыто такое уникальное, как Вуктыльское. Сбылись мечты Кремса.

...Я просматриваю записи своих бесед с Кремсом и думаю вот о чем. Человек, о котором я рассказал, всю жизнь боролся и борется не только за свои убеждения, презирая трудности, но борется еще против тяжелого недуга, который поразил его в юности. Случилось несчастье, и в двадцать лет Кремс совершенно потерял слух. Он не слышал шепота ветра, плеска волны, пения жаворонка, но никогда, ни разу в жизни не терял своего оптимизма и веры в истину. Такие люди рождены побеждать, и он победил. Республика Коми обгоняет по нефти традиционно нефтяной Азербайджан. Вряд ли кто мог мечтать об этом всего полтора десятка лет назад. Впрочем, один человек мечтал — Андрей Яковлевич Кремс. Геолог.

У Р А Л

Борис ЛОЗОВОЙ

Геройская кузня России,
обветренный Южный Урал,
не раз ты, невзгоды осилив,
Советскую власть выручал.

Чеканщики из Златоуста
в особых отрядах Чека,
хоть было патронов негусто,
громили тылы Колчака.

А Блюхер водил уфалейцев,
веселых рабочих парней,
подтянутых красногвардейцев —
гранильщиков и слесарей.

В железных шеренгах Чапая
щетинили бодро штыки,
Советскую власть защищая,
миасские большевики.

Покончивши с белою сворой,
вернулись в забои опять
копейские наши шахтеры,
чтоб уголь стране выдавать.

Чтоб в снежных просторах России
бежали опять поезда,
чтоб трубы заводов дымили,
чтоб ожили вновь города.

Чтоб возле станицы Магнитной
взметнулись на стыке ветров
могучие домны Магнитки,
громады прокатных цехов!

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

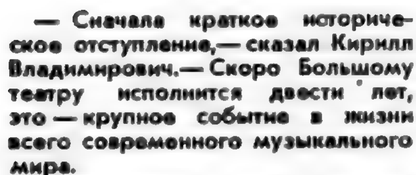

В сто девяносто восьмой раз зажглись этой осенью огни над подъездами Большого театра.

Наш корреспондент М. Н. Александров обратился к директору ГАБТ СССР, заслуженному деятелю искусств, композитору К. В. Молчанову с просьбой рассказать, чем примечателен для прославленного коллектива новый сезон.

Фото Е. УМНОВА.

ГАБТ: ПРЕМЬЕРЫ, ГАСТРОЛИ...

— Сначала краткое историческое отступление,— сказал Кирилл Владимирович.— Скоро Большому театру исполнится двести лет, это — крупное событие в жизни всего современного музыкального мира.

Общеизвестна роль, которую все годы своего существования играл и играет Большой театр в развитии оперного и балетного искусства. В этот кабинет, где мы с вами сейчас беседуем и где все, кстати сказать, сохранилось почти таким же, каким было много лет назад, приходили с партитурами первых русских опер Михаил Иванович Глинка, Александр Сергеевич Даргомыжский... Но встречали их здесь не очень-то ласково. Недавно я перечитал страстные публицистические статьи молодого Петра Ильича Чайковского, выступавшего против засилья заезжих гастролеров, вытеснявших с подмостков театров, которые именовались «императорскими», родное русское искусство...

Странно думать сейчас о том, что русской музыке приходилось с величайшим трудом пробивать себе дорогу на сцену Большого театра! Ведь именно национальная музыкальная драматургия принесла Большому театру неувядаемую славу, сделав его крупнейшим центром мировой музыкальной театральной культуры.

Глубина философской мысли, реализм образов, широта поэтической фантазии, богатство средств выражения — все это дал музыкальному миру русский гений Глинки, Даргомыжского, Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова, Чайковского... А какие изумительные певцы выходили на сцену Большого театра: Федор Шаляпин, Леонид Собинов, Антонина Нежданова, Надежда Обухова! Они оставили здесь на вечные времена не только память о себе, но и свои великие традиции, требование совершенного мастерства оперного актера. Они были создателями новой, небывалой еще на мировой оперной сцене школы глубинного раскрытия характера героя — школы, столь противоречащей прежним канонам пресловутой оперной «вампуки».

Ничто не ушло из этих стен, ничто не забыто... Бережно храним мы и самую историю событий, важных для творческой жизни коллектива. В нашем театральном музее — очень богатом и интересном — можно увидеть макеты, эскизы декораций и костюмов, афиши прошлых лет. Ведется, конечно, и фотолетопись творческой жизни театра за многие годы.

В величавый зрительный зал Большого театра люди всегда приходили, как на праздник. И никогда не обманывались в своем ожидании прекрасного. Быть может, тут будут неуместны личные воспоминания, скажу только о том, что композиторским призванием, тягой к музыкально-драматическому искусству я, несомненно, обязан «Руслану» и «Онегину» — спектаклям детских утренников Большого театра. До сих пор они остались для меня, как, я знаю, остались для многих, ярчайшим впечатлением, символом театрального волшебства.

Все, что было завещано высокой культурой первого музыкального театра России, сохранено. Но не музеем прошлого, а живой творческой лабораторией оперного и балетного искусства утвердил себя Большой театр. Уже в тридцатые и сороковые годы на его афишах появились названия оперных и балетных спектаклей, свидетельствующие о том, что старейший театр находится в движении, в поиске. Здесь звучала музыка классиков многонациональной советской культуры. Вспомним хотя бы «Алмаст» Спендиарова, «Абесалом и Этери» Палиашвили. Новые произведения поражали своеобразием и многоцветием мелодии, родниковой чистотой и колоритностью языка.

Расширялся и балетный репертуар за счет произведений современных композиторов. Это были «Пламя Парижа» и «Бахчисарайский фонтан» Бориса Асафьева, «Красный мак» и «Медный всадник» Рейнгольда Глиэра, «Ромео и Джульетта» Сергея Прокофьева, «Гаянэ», а позднее — «Спартак» Арама Хачатуряна...

Театр создавал новые традиции, требуя бережности, чуткости к крупным, интересным явлениям и направлениям современной музы-

ки, смело привлекая свежие творческие силы.

Вы спрашиваете, чем примечателен наш нынешний сезон. Прежде всего тем, что уже сейчас, готовясь к предстоящему двухсотлетнему юбилею, репетируем новые спектакли, которые хотим показать зрителю в ближайшее время. Работаем мы и с композиторами, заглядывая в это уже недалекое будущее.

Три премьеры мы собираемся выпустить в этом сезоне. Дебютом в нашем театре станет для молодого дирижера Александра Лазарева яркая, полная искрометного юмора опера Сергея Прокофьева «Игрок», где будут заняты наши ведущие солисты, известнейшие артисты Галина Вишневская, Александр Огнивцев... Начались репетиции прокофьевского балета «Огненный век» в музыкальной редакции профессора Чулаки по либретто главного балетмейстера театра Юрия Григоровича. Кстати, этим новым балетом мы как бы завершаем цикл прокофьевских балетных спектаклей, которые идут на нашей сцене: «Золушка», «Ромео и Джульетта», «Каменный цветок».

Не лежат неприкосновенным наследием когда-то осуществленные нашими предшественниками в театре постановки классических спектаклей минувших лет. Новые художественные взгляды и эстетические позиции вызывают подчас необходимость творческого пересмотра решений, ранее найденных. Вы знаете, что постоянно на сцене Большого театра появляются в новом режиссерском прочтении спектакли, некогда шедшие, а затем на какое-то время снятые с репертуара. Это нужный и важный процесс обновления. Такое обновление недавно получили у нас «Руслан и Людмила» Глинки, балет «Спящая красавица» Чайковского.

Третьей премьерой текущего сезона будет жемчужина мировой оперной классики — «Отелло» Джузеппе Верди. Ставит этот спектакль замечательный художник, думается, не имеющий себе равных в глубинном, творческом понимании оперного искусства и его развития, главный режиссер нашего театра, народный артист СССР Борис Александрович Покровский. Дирижировать оперой мы пригласили народного артиста Союза ССР Евгения Федоровича Светланова. Не скрою, весь коллектив ждет дня премьеры с понятным нетерпением и столь же понятным волнением.

В перспективе — новая постановка оперы «Русалка» Даргомыжского. Готовится балет современного советского композитора Андрея Эшпая «Ангара» по мотивам арбузовской «Иркутской истории».

Я называю только работы самого ближайшего времени, те, которые для нас уже определились. Но есть еще и другие замыслы. Наш театр поддерживает тесную творческую связь с Союзом композиторов. Естественно, что мы стремимся быть в курсе всего наиболее интересного в области музыкальной драматургии, хотим знать, над чем работают композиторы в разных республиках. Могу пока лишь сказать, что внимание театра привлекли такие крупные произведения, как опера «Чапаев» Александра Холминова, поэтический балет «Витязь в тигровой шкуре» Александра Мачавариани.

Премьеры... И, кроме того, кипучая творческая жизнь, которая не знает минуты покоя в театральных стенах и выходит далеко за их пределы.

Каждый день у нас идут спектакли. Каждый вечер поднимается занавес на двух основных сценических площадках: в Большом театре и Кремлевском Дворце съездов. Вот, взгляните,— современная телевизионная техника позволит нам сейчас, не выходя из кабинета, побывать в обоих зрительных залах. Видите? На сцене Большого театра заканчивается первое действие балета «Жизель», а во Дворце съездов начинается второй акт «Риголетто».

Постоянно мы провожаем когонибудь в гастрольные поездки. География этих поездок, можно без преувеличения сказать,— весь мир.

Не знаю ни одного музыкального театра нашего времени, который располагал бы творческим коллективом такой квалификации и такого художнического многообразия, каким располагает Большой театр. У нас два симфонических оркестра, снискавших популярность своей концертной деятельностью и выступающих с самостоятельными симфоническими программами.

Репутацию одного из лучших хоров мира укрепляет главный хормейстер театра Александр Рыбнов; хор Большого театра постоянно выступает с обширными концертными программами.

Всюду желанными гостями являются наши солисты — певцы и мастера балета. Затруднительно было бы мне назвать такую музыкальную столицу мира, где бы не выступали они под гром аплодисментов. «Метрополитен-опера» в Нью-Йорке, «Гранд-опера» в Париже, «Ла Скала» в Милане...

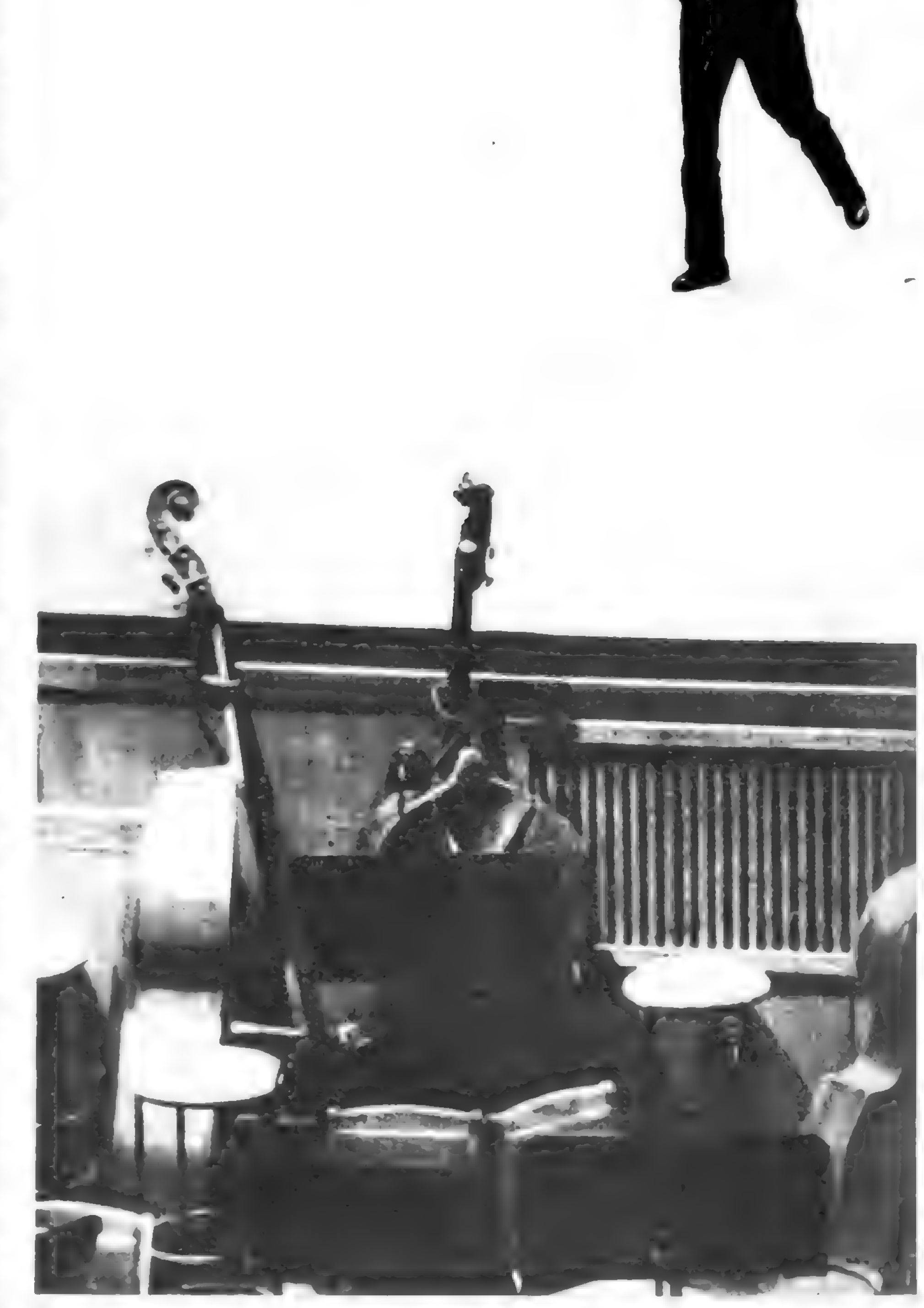
В начале сентября в Париже для участия в празднествах по случаю юбилея газеты французских коммунистов «Юманите» побывала группа артистов балета во главе с главным балетмейстером, народным артистом Союза ССР Юрием Григоровичем. В октябре отправилась в Италию, в Милан, часть нашей оперной труппы. В знаменитый театр «Ла Скала» они повезли спектакли «Руслан и Людмила», «Хованщина», «Князь Игорь», «Евгений Онегин», «Семен Котко» и, кроме того, по просьбе дирекции «Ла Скала» — балет Родиона Щедрина «Анна Каренина».

В свою очередь, в начале мая будущего года к нам в Большой театр приедут с гастрольными спектаклями певцы и музыканты «Ла Скала», столь полюбившиеся москвичам.

— Что же еще произойдет в этом сезоне в Большом театре?

— По традиции будут петь в наших спектаклях лучшие мастера советской оперной сцены Мария Биешу, Виргилиюс Норейка... По традиции мы все будем волноваться и всей душой желать успеха нашей творческой молодежи в день ее дебюта. Радоваться продолжающемуся художественному росту молодых талантливых мастеров — Елены Образцовой, Тамары Синявской, Евгения Нестеренко, Владимира Атлантова, которые выступят в новых ответственных партиях.

Вот приблизительно таков сезон Большого театра в нынешнем году.

Юрий Григорович работает над постановкой нового балета.

Первые занятия в балетном классе Большого театра.

Директор ГАБТ и Кремлевского Дворца съездов К. В. Молчанов.

«Кармен». Елена Образцова и Владимир Атлантов.

Главный режиссер Б. А. Покровский на репетиции.

АМЕРИКАНСКИЕ РЕПОРТАЖИ *

ТОРГОВЛЯ И ПОЛИТИКА

Дональд Кендалл, президент компании «Пепсико», председатель американо-советской торговой палаты.

В. НИКОЛАЕВ,
фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА,
специальные корреспонденты «Огонька».

* Начало см. «Огонек» №№ 40, 43.

Нью-Йорк.

Генри Пэссоу, фермер из штата Иллинойс.

БИЗНЕСМЕНЫ — «ЗА»

«...Мы знаем из истории, что с древнейших времен торговля дополняла политику, была существенной частью нормальных отношений между народами, между государствами, тем более это справедливо для нашего времени. Разве можно было бы считать нормальным положение, при котором мы бы подписали соглашение о том, что будем строить отношения на основе принципа мирного сосуществования и, в то же время, не развивали бы торговли, экономических связей между нашими странами?» — так говорил Леонид Ильич Брежнев, обращаясь к представителям американских деловых кругов во время своего визита в США.

Встреча эта состоялась в старинном особняке, Блэйр-хаузе, где была резиденция Л. И. Брежнева в дни его пребывания в Вашингтоне. Более пятидесяти крупнейших американских бизнесменов и финансистов беседовали с Л. И. Брежневым и с большим вниманием выслушали его речь, неоднократно прерывая ее аплодисментами. Среди собравшихся в Блэйр-хаузе были руководители таких организаций, банков и фирм, как национальная ассоциация промышленников США, американская торговая палата, нью-йоркская фондовая биржа, «Бэнк оф Америка», «Фёрст нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк», «Чейз Манхэттен бэнк», «Дженерал моторс», «Дженерал электрик», «Юнайтед Стейтс стил», «Дюпон де Нэмур», «Оксидентл петролеум», «Боинг» и многих других.

Леонид Ильич, подчеркнув, что СССР и США являются странами с крупнейшими экономическими потенциалами, сказал: «Мы честно признаем, что в чем-то вы, американцы, идете впереди. Но в чем-то мы опередили вас. И если мы соединим свои усилия и подойдем к вопросу широко, масштабно, имея в виду долговременную, лет на двадцать, перспективу, то убедимся в том, что открываются огромные возможности».

Находясь в те дни в Вашингтоне, мы своими глазами видели, какое огромное впечатление произвела эта встреча не только на деловую Америку, но и на всю страну. Печать, телевидение, радио посвятили ей тысячи комментариев, о ней говорили повсюду, ее оживленно продолжают вспоминать в США и сегодня, несколько месяцев спустя.

Вскоре после этой встречи мы решили побеседовать с одним из ее участников, Дональдом Кендаллом, президентом и управляющим компании «Пепсико». Он привлек наше внимание и потому, что возглавляет одну из крупнейших американских фирм, и потому, что горячо выступает за развитие американо-советских экономических связей. Именно Кендалл был избран председателем совета директоров американо-советской торговой палаты. О создании этой палаты объявил министр торговли США вскоре после уже упомянутой нами встречи в Блэйр-хаузе. Очевидно, мы были первыми советскими журналистами, беседовавшими с Кендаллом, не только бизнесменом, но и председателем этой палаты.

Для встречи с ним нам пришлось перелететь из Чикаго в Нью-Йорк, а затем на машине углубиться в живописный зеленый уголок, в часе езды от города, где находится штаб-квартира «Пепсико». Деревья, кустарники, цветы, искусственные водоемы — все это в наше время уже вполне обычное окружение крупных деловых центров. В последние годы штаб-квартиры многих процветающих фирм покидают города и перебираются на лоно природы. Причины? Не только и не столько эстетические. Скорее — практические. Полезнее для здоровья. Как самих руководителей, так и их подчиненных, которые составляют живой капитал фирмы, а капитал надо беречь. Это раз! Во-вторых, содержать такую штаб-квартиру, где сотни, а то и тысячи служащих, за городом дешевле. В-третьих, до такого делового центра легче добраться на машине из своего загородного домика (а в них предпочитают жить все состоятельные люди), чем до оффиса, находящегося в городе, забитом автомашинами до отказа. Словом, выход оффиса на природу вполне естествен.

Обширные владения «Пепсико» отличаются от других таких же зеленых деловых оазисов тем, что по всей территории разбросаны скульптуры. Не классические, старинные, к которым мы привыкли в садах и парках, а произведения современных скульпторов, так называемых авангардистов. Они сделаны из камня и металла и отличаются в большинстве своем такими монументальными размерами, что хранить их под открытым небом более целесообразно, чем под крышей. Те из них, которые «смотрятся», несомненно, многое потеряли бы в зале, придавленные потолком и стесненные стенами. Странное, казалось бы, соседство: оффис и десятки скульптур? И снова причина не только и не столько эстетическая. Бизнес издавна знает, что деньги, вложенные в произведения искусства, с годами обязательно принесут прибыль.

Из музея на открытом воздухе мы попадаем в музей, расположенный в оффисе «Пепсико». Встретивший нас сотрудник компании, прежде чем провести в кабинет Кендалла, знакомит с историей компании. Портрет изобретателя пепси-колы, его первый патент, первые бутылки напитка, портреты пепси-кольных президентов...

Сегодня «Пепсико» — преуспевающая фирма, торгующая по всей Америке и в 120 странах. Она — основной конкурент прославленной кока-колы. Я говорю нашему гиду:

— На наш вкус нет почти никакой разницы между кока-колой и пепси-колой.

— Что вы говорите?! — ахает он от изумления. — Колоссальная разница! Наш напиток не такой приторный, как кока-кола, он лучше освежает, бодрит, снимает усталость. Нет, вы только попробуйте получше!

Тут же, как по волшебству, возникают перед нами бутылочки с пепси-колой, и мы пробуем...

Путь «Пепсико» к вершинам всемирной популярности и финансового могущества поэтапно зафиксирован в музее, где мы переходим от стенда к стенду под убаюкивающее воркование нашего сопровождающего. Из него брызжет фирменный патриотизм, как шипучий газ из пепси-колы.

Изобрел напиток аптекарь из штата Северная Каролина Калеб Брэдэм. Это было на исходе прошлого века. В 1902 году он запатентовал свое изобретение. К этому времени сообразительный аптекарь понял, что будущее напитка в том, чтобы заготовлять его в бутылках для мас-

совой продажи. На деньги, взятые в долг, он соорудил разливочный завод, за ним — еще несколько. Дело пошло.

Главным двигателем торговли оказалась пепси-кольная реклама. Она прямо-таки неистовствовала. Ставший с 1938 года главой фирмы, Уолтер Мэк заполонил всю страну рекламной песенкой. Переделанная из старой шотландской баллады на ритм свинга, она вся, от начала до конца, исполнялась за пятнадцать (!) секунд. За год такого всеамериканского пения чистый доход фирмы вырос на 38 процентов, что составило 5,6 миллиона долларов (авторы песенки получили гонорар в 2 500 долларов). С 1940 года пепси-кола начала свой заграничный поход.

В 1963 году к руководству пришел Дональд Кендалл, бывший в годы второй мировой войны летчиком ВВС. По примеру большого бизнеса он сделал фирму многоотраслевой: для начала «Пепси» слилась с компанией, производящей расфасованные продукты, и стала называться «Пепсико». Потом к этому конгломерату добавились совсем неожиданные, казалось бы, довески, например, фирма спортивных принадлежностей.

После осмотра музея нас знакомят со служебными помещениями штаб-квартиры фирмы. Отличный современный широко раскинувшийся четырехэтажный дом. Уютный и покойный. Больше похож не на офис, а на какой-нибудь культурно-просветительный центр. Тишина, видимость безлюдья. В коридорах и холлах тоже современная скульптура. Большая столовая на несколько сот человек, как и всюду в США, здесь самообслуживание. Десятки кнопок по стенам, при нажатии на них льется бесплатная пепси-кола (все остальное за деньги). Сверкающая сталью и хромом огромная кухня. Ультрасовременный спортивный зал, оборудованный, словно гимнастический зал космонавтов. Здесь борются за сохранение рабочей формы и фигуры служащие штаб-квартиры. Наш гид говорит, что мистер Кендалл сам загоняет в зал каждого, у кого заметит хотя бы намек на брюшко. Один из таких клерков, не смущаясь нашим присутствием, крутит педали стоящего на месте велосипеда, другой бежит по дорожке длиною в один метр, которая стремительно мчится под ним. Наверное, лучше было бы выйти из здания и пробежаться по тенистым аллеям парка, но это, очевидно, потребует больше времени, а оно, как известно, деньги...

Итак, после ознакомления со штаб-квартирой «Пепсико» идем наконец к Кендаллу. Он встречает нас в своей приемной и проводит в кабинет. Высокий, седой, подтянутый и моложавый, хотя ему уже явно около шестидесяти. Держится он любезно, охотно отвечает на вопросы, любит шутку, часто улыбается. Правда, по его четким ответам, всегда по существу, по всему его деловому стилю поведения видно, что времени у него в обрез и он его ценит больше всего на свете. К тому же он весьма задерган журналистами, особенно в последнее время. Мало этого. Он знает себе цену. Кендалл не только крупный бизнесмен (в 1972 году его фирма продала продукции почти на полтора миллиарда долларов!), но и видный общественный деятель страны, личный друг президента США Никсона. Во время своих деловых поездок в нашу страну Кендалл встречался с Л. И. Брежневым, А. Н. Косыгиным и другими советскими руководителями.

Такой послужной список накладывает некую печать на Кенделла. Я сразу почувствовал постоянно занесенный над его головой меч неумолимо бегущего времени, которое он, повторяю, ценит на вес золота. С сожалением подумал, что долгой беседы с ним не получится. Потому я вместо ожидаемого им вопроса для начала рассказал старый анекдот, на ходу модернизовав его:

— Одного русского священника спросили, что он предпочитает — водку, коньяк или вино. Он ответил: «И пепси-колу тоже!» (в оригинале: «И пиво тоже!»).

Кендалл был очень доволен. Контакт с ним был установлен. Пепси-кола в этом доме — царь и бог, и доброе слово об этом напитке — ключ к сердцу его производителей. Разговор, естественно, зашел о новом адресе пепси-колы — о нашей стране.

— Да, вы правы,— ответил на мой вопрос Кендалл,— в декабре этого года наш завод в Новороссийске начнет поставлять пепси-колу для советского потребителя. Я недавно был там и думаю, что обусловленные ранее сроки мы выдержим. Между прочим, это первый в истории американский потребительский продукт, который будет продаваться в Советском Союзе.

— Это один-единственный производственный центр вашей фирмы в СССР или вы предполагаете создать их несколько?

— Думаю, что Новороссийский эксперимент послужит добрым началом. Мы хотели бы создать несколько наших заводов в вашей стране, в разных ее районах, причем один из них — под Москвой. Мы надеемся, что Советский Союз станет большим рынком для сбыта пепси-колы и что напиток у вас понравится.

— Несомненно, наш потребитель полюбит пепси-колу. Кстати, вы собираетесь рекламировать ее в СССР так, как вы это делаете в США и других странах?

— Разумеется! Представители нашего отдела рекламы уже находятся в Москве и работают сейчас вместе с вашими специалистами по рекламе.

— По-моему, в Советском Союзе вам можно было бы не расходовать столько средств на рекламу, поскольку она у нас не развита в такой степени, как у вас. Как только в продаже появятся ваши бутылочки, они сами сделают себе рекламу и найдут дорогу к потребителю.

— Спасибо на добром слове! Но это наш принцип: реклама всегда и везде идет впереди продукта. Осваивая новый рынок сбыта, мы прежде всего отпускаем средства на рекламу. Это уже закон, это у нас в крови.

— Что вы получите от нас взамен?

— Любопытно, что за абсолютно безалкогольную пепси-колу мы получим ваши коньяки, водку и шампанское. Я хорошо знаком с этой вашей продукцией и высоко ценю ее. Такого же мнения и миллионы американцев. В нашей фирме мы уже создали новый большой отдел, который займется распространением ваших крепких напитков по торговым точкам США. Кстати, всего в нашей компании сегодня тридцать пять тысяч служащих.

— Вы упомянули, что недавно были в Новороссийске. Каково ваше мнение о деловых контактах между США и СССР?

— Я неоднократно бывал в Советском Союзе, встречался с его руководителями, со специалистами в области внешней торговли. Я всегда говорил и буду говорить о том, что вы являетесь надежными и интересными партнерами в бизнесе. Я всегда стоял и стою за расширение экономических связей между нашими странами.

— Каковы ваши впечатления от визита Л. И. Брежнева в США и встречи с ним в Блэйр-хаузе?

— Весь мир американского бизнеса переживает сейчас полосу известного подъема, возбуждения и надежд. Это результат улучшения отношений между США и СССР. Обратите внимание, что американо-советская торговая палата создана непосредственно после визита в США Брежнева. Во время встречи с деловыми людьми в Блэйр-хаузе Брежнев произвел на собравшихся очень большое впечатление своей искренностью и логикой аргументов. Я сам нахожусь под очень сильным впечатлением от встреч с Брежневым во время его пребывания в США и считаю этот визит самым успешным из всех, какие когда-либо наносили в США лидеры других стран. Не только на меня, но, я думаю, и на всех американцев ваш лидер произвел самое благоприятное впечатление. Вы уже немало поездили по Соединенным Штатам и наверняка слышали то же самое от многих моих соотечественников. Как деловой человек, я могу добавить ко всему сказанному, что налицо огромные неиспользованные возможности в налаживании американо-советской торговли. Развитие таких связей — это не просто бизнес, но и политика, помогающая улучшать отношения между нашими странами.

В заключение беседы, продолжавшейся около часа, я попросил у хозяев дать нам для будущей работы какие-либо справочные материалы о «Пепсико». Тут же нам вручили отлично изданный отчет фирмы за 1972 год, предназначенный в основном для держателей ее акций. На первом же цветном развороте отчета изображен Дональд Кендалл в Москве на фоне праздничной Красной площади...

Беседа с Кендаллом проходила в весьма непринужденной, но все же официальной обстановке. Другое интересное свидетельство об отношении большого бизнеса к расширению деловых связей между нашими странами мы получили уже за дружеским обедом в доме видного бизнесмена Джеймса Крампа. Он живет в Хьюстоне и является местным руководителем «Белл телефон компани», одной из крупнейших американских корпораций. В его ведении не только город Хьюстон, но и вся юго-западная часть Соединенных Штатов.

— Как в «Саге о Форсайтах»! — шепнул мне Дмитрий Бальтерманц, когда мы вошли в дом Крампа.

Старомодный особняк с большим зимним садом, уставленный антиквариатом и диковинными образцами художественных ремесел со всего мира. На весь большой дом два обитателя — супруги Крампы, дети выросли и уже улетели из родного гнезда. Коллекционирование редкостных ценностей — общее хобби Крампов. Вскоре выясняется, что хозяину свойственно и другое увлечение — фотография. С момента установления этого факта от «Форсайтов» остается только внешний фон (сам особняк, мебель, коллекция), а мистер Крамп уже за коктейлем превращается в поклонника и усердного слушателя фото-мэтра Дмитрия Бальтерманца. Даже сидение за столом (с полным обеденным церемониалом) не может уже вернуть нашу беседу в рамки только светской встречи. И, поскольку Крамп пригласил еще несколько супружеских пар (из числа своих коллег по бизнесу), разговор носит общий и очень неофициальный характер. Отдав дань фотографии (с помощью отличной техники хозяин дома запечатлевает нашу встречу на пленку), мы, естественно, говорим о бизнесе. Крамп в Хьюстоне — один из самых видных деловых людей, возглавлял даже здесь торговую палату. А Хьюстон — в числе первых десяти городов США, крупный промышленный и культурный центр страны. Вот почему мнение Крампа и его коллег можно считать весьма авторитетным.

Разговор о бизнесе заходит сам собой, поскольку мы находимся среди деловых людей.

— Вы уже звонили в Москву из Америки? — спрашивает нас Крамп. И, получив утвердительный ответ, продолжает:

— Как быстро вам дали Москву? Как было слышно? Сколько заплатили за разговор?

Его фирме принадлежит почти вся телефонная связь страны, и он, один из ее лидеров, помнит о деле всегда, даже за обеденным столом.

В один голос говорят собравшиеся о том большом впечатлении, которое произвели на них визит Л. И. Брежнева в США и его встреча с деловыми людьми. Как и Дональд Кендалл, Крамп и его коллеги ни на минуту не сомневаются в том, что экономические связи между США и СССР должны развиваться и крепнуть. Заявляя об этом, они подчеркивают, что такого же мнения придерживаются все крупные бизнесмены Хьюстона (нефть, газ, сталь и т. п.).

ВЫГОДА ВЗАИМНАЯ

Бизнесмен — это значит деловой человек. В убыток себе он торговать не будет. Как в дни визита Л. И. Брежнева в США, так и после его завершения, во время нашей поездки по Соединенным Штатам, мы не раз убеждались в том, что американские бизнесмены заинтересованы в развитии деловых отношений с нашей страной. Заинтересованы, потому что это им выгодно не меньше, чем нам.

В первый день визита в США Л. И. Брежнева произошел такой случай. Леонид Ильич обратил внимание на то, что один из американских репортеров снимает советской фотокамерой «Горизонт».

— Ну как, нравится вам аппарат? — спросил Леонид Ильич.

— Прекрасная камера,— ответил американец.

Частный эпизод, но весьма знаменательный. А вот и более обобщающее свидетельство: «Советские технологические новинки могут оказаться очень ценными для американских фирм». Это — вполне офици-

И. Заринь (Рига). ЗРЕЛОСТЬ.

Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина».

Д. Налбандян (Москва). ЗА СЫНА МОЕГО.

альное мнение, высказанное одной из подкомиссий палаты представителей. В своем докладе объемом в сто с лишним страниц подкомиссия предсказывает подъем уровня советско-американской торговли с 200 миллионов долларов в 1971 году до 5 миллиардов в 1980 году. Для такого прогноза есть основания. Газета «Нью-Йорк таймс» пишет: «Советская промышленность вызвала интерес на Западе и своими достижениями в области высоковольтной передачи электроэнергии, и усовершенствованной системой охлаждения доменных печей, и производством чрезвычайно тонких бесшовных труб, если ограничиться лишь немногими примерами».

Верно! Это только «немногие примеры». Их перечень можно продолжать и продолжать. Например, американские бизнесмены закупают у нас патенты на литье алюминия в электромагнитном поле и на современную систему производства магния... Представитель компании «Андерсен констракшн», которая приобрела лицензию на применение советской системы испарительного охлаждения металлургических печей, заявил, что этот метод на целое десятилетие продлит жизнь печей. Газета «Уолл-стрит джорнэл» так цитирует представителя гигантской фирмы «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн»: «Нет сомнения, что русские располагают технологией, которая принесла бы нам большие выгоды». Такие крупные американские компании, как «Дженерал электрик», «Рейнолдс металс», «Кайзер алюминиум» и другие, уже используют наше машинное оборудование и нашу технологию. Вице-президент «Дженерал электрик» Томас Пейн заявил, что считает важнейшим достижением своей корпорации подписание с Советским Союзом соглашений о совместной разработке газовых турбин и силовых генераторов.

Несколько приведенных выше конкретных примеров и для людей, не сведущих в технике, говорят о том, что американцы проявляют интерес к достижениям наших ученых и инженеров в самых сложных и тонких сферах. Любопытно при этом вспомнить, что первую торговую сделку с Соединенными Штатами Советская Россия заключила в 1922 году — тогда нами был приобретен мыловаренный завод стоимостью 40 тысяч долларов. С тех пор много воды утекло и многое изменилось! Как известно, взаимные поставки по контракту, подписанному с американской компанией «Оксидентл петролеум», оцениваются в 8 миллиардов долларов. Это — самое крупное в истории межгосударственное экономическое соглашение!

У американских бизнесменов есть немало соображений в пользу развития экономических связей с нашей страной. О них мы неоднократно слышали, когда беседовали с деловыми людьми во время поездки по США, о них можно ежедневно читать в американской прессе. Вот, например, одно такое немаловажное соображение, связанное с проектом разработки сибирского газа и поставки его из СССР в США. Газета «Нью-Йорк таймс» пишет, что осуществление этого проекта «не только будет способствовать снабжению энергией Соединенных Штатов, но и окажет положительное влияние на экономику страны в том плане, что американцы благодаря ему получат тысячи рабочих мест». По подсчетам компаний, намеренных участвовать в этом проекте, он «обеспечит занятость 242 500 человеко-лет».

Стоит расшифровать и процитированные выше слова из «Нью-Йорк таймс» о «снабжении энергией Соединенных Штатов». На США надвигается энергетический кризис, который уже давно предсказывали дальновидные специалисты. С его первыми признаками столкнулись и мы, путешествуя по дорогам Америки. На многих бензоколонках мы видели небывалые ранее объявления: «Извините. Бензина нет». Это частое наблюдение. Но вот мнение по этой проблеме президента США Р. Никсона, высказанное в сентябре этого года. На своей пресс-конференции он сказал, что если не принять действенных мер, то «это обречет США на энергетический кризис, может быть, и не нынешней зимой, но почти наверняка, несколько позже».

Есть и другие причины, побуждающие американских бизнесменов к налаживанию экономических связей с нашей страной. Журнал деловой Америки «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» резонно отмечает: «Мы больше не можем позволить себе роскоши ограничения торговли с СССР в то время, когда эта политика не дает абсолютно никаких результатов. Состояние нашего платежного баланса уже не такое, чтобы мы могли продолжать подобную политику».

Журнал отражает мнение, широко распространенное среди деловых людей США. Американские газеты подсчитали: если год назад в СССР в течение недели из США отправлялось около 50 бизнесменов, то теперь — не менее 300.

МНЕНИЕ ФЕРМЕРОВ

— Это хорошо, что мы стали торговать с вами. Это хорошо,— довольно пробурчал Генри Пэссоу, едва только мы познакомились с ним и обменялись приветствиями.

Три дня прожили мы под крышей его фермерского дома, о многом поговорили с ним, его женой и с их соседями — фермерами. И все они так же горячо, как и Пэссоу, высказывались за торговлю с нашей страной. А их мнение — это голос типичнейших фермеров Америки. Ведь их родной штат Иллинойс лежит в самой середине кукурузно-соевого пояса страны, в который также входят штаты Айова, Миссури, Индиана и Огайо. В этом кукурузно-соевом поясе из всех культур, выращиваемых в США, нет, пожалуй, только таких типично южных растений, как цитрусовые и рис (а хлопчатник есть, и табак есть!). Здесь повсюду молочные и птицеводческие фермы, свиньи, овцы... «Не будет преувеличением назвать,— пишут американские экономисты Л. Хэйстед и Дж. Файт,— эту территорию самым богатым сельскохозяйственным районом на земном шаре. Нигде в мире не производится больше продовольствия на единицу затраченного труда (в человеко-часах). Никакая другая территория не может оказывать такого влияния на мировую сельскохозяйственную политику, как этот район».

Да, это, действительно, благодатный край! Три дня ездили мы с Генри Пэссоу в его видавшей виды автомашине по соседним фермам и смогли убедиться в справедливости слов Хэйстеда и Файта. Идеально ровная зеленая земля эта лежит в северном (для США) районе с умеренным (опять-таки по американским понятиям) климатом. А на самом деле их «север» находится на широте наших субтропиков. Край этот, раскинувшийся в верховье речной долины, заселен уже более ста лет, но почва здесь, несмотря на крайне интенсивное сельскохозяйственное производство, до сих пор сохранила свое плодородие.

Отстоящие друг от друга на 2—3—4 километра фермы заметны издалека по своим силосным башням с их серебряными сверкающими на солнце куполами. Одна половина хозяйств здесь занимается животноводством, другая — выращивает бобы и кукурузу. Ферма Пэссоу расположена в местности под названием Леланд, примерно в ста километрах от Чикаго.

Добрая земля и климат — это, конечно, основа всего. Но главное качество живущих на этой тучной земле людей — беспокойство. Оно проявляется во многом, чуть ли не на каждом шагу.

Любопытно, например, было ездить по полевым дорогам с Генри Пэссоу. Он уверенно держал руль машины, но на дорогу почти не смотрел. Он смотрел по сторонам, на чужие поля: у кого какая кукуруза, какие бобы... Сравнивал их со своими.

Так он живет и работает, всю жизнь кося глазом на соседа. Это уже, видно, в крови. Сам он — потомственный фермер, в третьем поколении. Ему за 60, так что полвека Пэссоу работает все на одном и том же поле. Правда, с десятилетиями на одного фермера здесь приходится все больше и больше техники, а значит — и земли. Сейчас у него около ста гектаров кукурузы и бобов, 120 свиней, огород, а трудится он один. На наш удивленный вопрос по этому поводу он ответил, что он не один, у него есть комбайн, трактор... В самую горячую страдную пору, добавил Пэссоу, он нанимает одного работника, не больше.

Удивляться нам, впрочем, и не стоило. По 100—140 гектаров на одного работника в США — это явление обычное. Секрет его — в почти сплошной электрификации и механизации сельского хозяйства. Параллельно идет процесс уменьшения доли сельских тружеников в общем населении страны. По официальным американским данным, в 1960 году в сельской местности проживало 8,8% всего населения, в 1964 — 6,8%, а в 1973 году журнал «Тайм» сообщил, что на селе осталось всего 4%. Этот процесс — еще одна причина вечного беспокойства, сопровождающего жизнь фермера. Еще одна, но отнюдь не последняя. Рынок сбыта продукции, цены на этом рынке — вот другой источник постоянных волнений и забот. Не без горького юмора Генри Пэссоу рассказывал нам, как он наводит справки по телефону об этих вечно колеблющихся ценах.

— Продали уже будущий урожай?— спрашиваю я его в разгаре лета.

— Нет еще,— озабоченно отвечает он.

— А ведь пора, наверное?

— Как сказать... звонил вот на днях, спрашивал, сколько дают за бобы, кукурузу. Пока маловато.

— А вдруг больше и не дадут? Дадут потом меньше?

— М-да...— мычит в ответ он.

Фермеру желательно выбрать такой момент для продажи своей продукции, чтобы цены на нее были оптимальными. А как угадаешь, что вот он, этот момент, пришел! А потом цены могут поползти вниз и больше не вернуться на прежний уровень.

Много гектаров лежит на плечах американского фермера и много забот, много беспокойства. И как от природы, так и от рынка сбыта он ждет одного — постоянства, стабильности. Крупные торговые сделки с такой большой страной, как наша, вселяют в него чувство уверенности. Поэтому он целиком за расширение торговли с Советским Союзом.

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мы уже писали выше о том, что развитие экономических связей между СССР и США — дело выгодное обеим странам. Поэтому правительство США разработало предложения об устранении искусственных, дискриминационных ограничений на ввоз в США товаров из Советского Союза и других социалистических стран. Подобные ограничения — рецидив периода «холодной войны». Если это длилось 10—20 лет, заявил Л. И. Брежнев на встрече с представителями деловых кругов США в Вашингтоне, то это не значит, что такое положение должно сохраняться до бесконечности.

Президент США направил на рассмотрение конгресса торговый законопроект, который, в частности, предусматривает предоставление Советскому Союзу и другим социалистическим странам таких же прав в торговле с США, какими пользуются все остальные государства. Казалось бы, логично! Но, к сожалению, в Соединенных Штатах есть еще влиятельные силы, которые выступают против расширения деловых связей между двумя нашими странами. К ним, например, относятся некоторые деятели в американском конгрессе во главе с сенатором Г. Джексоном. В апреле этого года он стал инициатором внесения «поправки» к законопроекту о торговле. Суть «поправки» сводится к тому, что Джексон и ему подобные ставят развитие торговли в зависимость от их возможности вмешиваться во внутренние дела СССР и других социалистических стран. Не случайно председатель сенатской комиссии по иностранным делам У. Фулбрайт сказал, что эта «поправка» не имеет никакого отношения к торговле. «Было бы ошибкой использовать торговлю как рычаг или угрозу»,— заявил по этому поводу видный представитель американского бизнеса Д. Рокфеллер. Газета «Вашингтон пост» признала, что «поправка» является «формой вмешательства в советские дела». Спрашивается, а какое право имеют на это Джексон и другие?!

Наше знакомство с сегодняшней деловой Америкой, с ее людьми позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на подобные происки врагов разрядки напряженности, экономические отношения между СССР и США в конце концов будут развиваться на здоровой основе.

Вашингтон — Нью-Йорк — Хьюстон — Леланд, США.

СОЛДАТЫ

Сегодня наша страна отмечает День советской милиции. Корреспондент «Огонька» Ю. Чернявский попросил МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА Н. А. ЩЕЛОКОВА ответить на ряд вопросов.

Министр внутренних дел СССР,
генерал-полковник
Н. А. ЩЕЛОКОВ

ВОПРОС. Идеологи империализма, пытаясь скрыть истинные причины роста преступности в капиталистическом мире, конструируют различные «теории», смысл которых — представить рост преступности как глобальную тенденцию, характерную для нашего времени вообще, независимо от общественного строя. Что вы скажете по этому поводу?

ОТВЕТ. Действительно, неудержимый рост преступности в капиталистических странах заставляет буржуазных идеологов задумываться над причинами этого сложного социального явления. Например, в США за последние десять лет количество убийств возросло вдвое, грабежей — в три с лишним раза. В другой крупнейшей капиталистической стране — ФРГ — преступность растет в три раза быстрее, чем население. Современные буржуазные ученые пытаются возложить вину за рост преступности на генетическую «природу человека» — якобы присущую ему агрессивность, связывают преступность с расовыми признаками либо ссылаются на научно-технический прогресс и урбанизацию, как процессы, неизбежно порождающие преступность. Реакционная направленность подобных «теорий» очевидна. Идеологи империализма тщетно стремятся доказать, что коль скоро с научно-техническим прогрессом, ростом городов и другими подобными социальными процессами прямо связан рост преступности, то такая связь присуща как капитализму, так и социализму.

Марксизм-ленинизм исходит из того, что преступность, ее характер и причины определяются социально-экономическими условиями жизни людей. Буржуазные ученые, выдвигая различные «теории» причин преступности, сознательно игнорируют эту непреложную истину. Они не видят или не хотят видеть, что в условиях капитализма рост преступности — это результат разлагающего влияния буржуазной идеологии, классового и национального неравенства, эксплуатации человека человеком, насилия, погони за наживой, презрения к истинным нравственным ценностям.

В капиталистических странах преступность — социальная закономерность. Масштабы ее растут по мере углубления общего кризиса капитализма. Только в социалистическом обществе в ходе его развития создаются, укрепляются и расширяются социальные и экономические условия для успешной борьбы с преступностью и в конечном счете для ее полной ликвидации. Однако существующие при социализме объективные возможности ликвидации преступности не реализуются стихийно, самотеком. Чтобы превратить их в реальную действительность, нужна громадная организаторская и воспитательная работа.

«Новый облик советского человека, его коммунистическая мораль и мировоззрение утверждаются в постоянной, бескомпромиссной борьбе с пережитками прошлого,— указывал Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в Отчетном докладе XXIV съезду партии.— Не может быть победы коммунистической морали без решительной борьбы с такими ее антиподами, как стяжательство, взяточничество, тунеядство, клевета, анонимки, пьянство и т. п. Борьба с тем, что мы называем пережитками прошлого в сознании и поступках людей,— это дело, которое требует к себе постоянного внимания партии, всех сознательных передовых сил нашего общества».

Искоренение преступности предполагает всемерное усиление борьбы с нею. Главным направлением в этой борьбе, как учит нас партия, является забота о профилактике преступлений, забота о том, чтобы предупредить, не допустить их. Центр профилактической работы находится в трудовых коллективах. Громадное значение имеет развертывание широкой политико-воспитательной работы среди населения по месту жительства.

Борьба с преступностью сегодня — это общепартийная, общегосударственная задача.

ВОПРОС. Известно, что в одних городах совершается больше различных правонарушений, чем в других, хотя находятся они в одинаковых условиях. Чем это объяснить?

ОТВЕТ. Состояние общественного порядка в городах определяется комплексом причин. Есть тут причины объективного характера, но есть и субъективные. И таких, пожалуй, все же больше. Мы знаем немало городов, где из года в год снижается уровень правонарушений, тысячи населенных пунктов, где совсем нет серьезных правонарушений. Но, к сожалению, имеются еще города, где общественный порядок улучшается медленно.

Что мы имеем в виду, когда говорим об объективных причинах, определяющих уровень правонарушений, состояние общественного порядка? Речь идет о таких процессах, как, скажем, миграция населения, размеры городов, их географическое положение и т. п. Конечно, эти обстоятельства нельзя сбрасывать со счетов, но они играют лишь второстепенную роль. Главное же — уровень организаторской работы по укреплению правопорядка и социалистической законности, мера внимания, которое уделяется этим вопросам партийными, советскими организациями, общественностью, органами суда, прокуратуры и милиции. Там, где создан единый фронт борьбы с преступностью, где эта борьба стала действительно общепартийным, общенародным делом, где ведется активная борьба с пьянством (это одна из главных причин правонарушений), где высок уровень политико-массовой работы в трудовых коллективах и по месту жительства, где под особым наблюдением находятся лица, склонные к правонарушениям, где созданы все условия для разумного использования свободного времени, где это делается активно, целеустремленно, на основе комплексного плана, там и укрепляется правопорядок. В таких городах и районах правонарушения идут на убыль. Это закономерно.

Сейчас по примеру Москвы, Ленинграда, Киева, Калининграда, Минска, Севастополя началось движение за города образцового общественного порядка. Развернутое решение по этому вопросу принял Московский городской комитет партии. Здесь многое делается для того, чтобы превратить столицу нашей Родины — Москву в образцовый коммунистический город. Городами образцового общественного порядка должны стать и все республиканские, краевые и областные центры, все города страны. К сожалению, кое-где действенных мер в этом отношении не принимается. Именно этим объясняется высокий уровень правонарушений в ряде городов.

Достаточно пестрая в этом отношении картина и в различных отраслях народного хозяйства. Скажем, среди работающих на предприятиях Министерства строительства и Министерства жилищно-гражданского строительства уровень правонарушений выше, чем в трудовых коллективах предприятий станкостроительной и инструментальной промышленности, Министерства транспортного строительства. Характерно, что в небольших коллективах, на мелких предприятиях уровень правонарушений во много раз выше, чем на крупных. Когда мы проанализировали, в чем тут дело, то ответ сводился к простой истине. В коллективах, где больше правонарушений, слабо поставлена политико-воспитательная работа с лицами, склонными к антиобщественному поведению, не проводится индивидуальная профилактика. А именно в профилактике залог успеха.

ВОПРОС. Какие качественные изменения произошли в кадрах милиции за последние годы?

ОТВЕТ. На страницах «Огонька» я уже указывал на необходимость качественного улучшения кадров органов внутренних дел. Эта необходимость и теперь остается важной.

Интеллектуальное развитие общества идет чрезвычайно быстрыми темпами, и уровень образования, культуры наших сотрудников не должен отставать от него. Нельзя допускать разрыва между уровнем развития населения и работников милиции. Такой разрыв опасен. В условиях научно-технической революции в сфере борьбы с преступностью, в сфере охраны общественного порядка все шире используются новейшие достижения науки и техники. Чтобы эффективно их применять, нужны обширные знания, основательная подготовка личного состава милиции.

Сотрудник милиции должен глубоко понимать весь комплекс проблем борьбы с преступностью. Знать политику нашей партии, уметь разбираться в сложных социальных, экономических, научно-технических, педагогических, психологических, правовых и других факторах, определяющих систему борьбы со всеми уродливыми явлениями, которые, к сожалению, еще встречаются в нашей жизни. Работники милиции должны быть в состоянии использовать современные информационно-поисковые системы, методы криминологического прогнозирования и математического моделирования. Без этого уже нельзя двигаться вперед.

Разве можно, например, раскрыть тщательно замаскированное хищение социалистической собственности на производстве со сложной тех-

ПОРЯДКА

Проект решения задачи одобрен. На снимке: начальник Вычислительного центра Главного научно-исследовательского центра управления и информации МВД СССР, кандидат технических наук, майор внутренней службы Д. И. Шарипов, начальник ГНИЦУИ МВД СССР, доктор наук, генерал-майор внутренней службы П. Г. Мясоедов, заместитель начальника Вычислительного центра майор внутренней службы Е. И. Петров, начальник отдела этого же центра подполковник милиции А. К. Караханьян.

нологией, если инспектор БХСС не имеет необходимых специальных знаний в области конкретной экономики, бухгалтерского учета, товароведения, планирования и т. д., если у него нет соответствующей юридической подготовки?

За последние годы многое сделано для повышения образовательного уровня рядового и младшего начальствующего состава милиции. Количество лиц со средним образованием среди них выросло в 5 раз. Практически все начальники городских и районных отделов внутренних дел имеют вузовскую подготовку. Две трети инспекторов уголовного розыска, госавтоинспекции, подавляющее большинство следователей и сотрудников аппаратов БХСС — это люди с высшим и средним специальным образованием.

Повышение интеллектуального уровня сотрудников милиции год от года все более активизируется. Совершенствуется первоначальная подготовка, улучшается деятельность вузов МВД и специальных средних школ милиции. Кроме тех специалистов, которых готовят наши высшие школы, органы внутренних дел нуждаются в инженерах, математиках, связистах, программистах, педагогах, медиках и т. п. Особенно остро стоит проблема подготовки руководящих кадров органов внутренних дел. Событие огромной важности для нас — создание Академии МВД. Она станет подлинной кузницей руководителей высшего и среднего звена, вооруженных наукой управления.

Сегодняшний сотрудник милиции — это достойный представитель рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, пришедший к нам на службу по направлениям коллективов трудящихся, партийных, комсомольских и профсоюзных организаций. Требования к нему все более возрастают. Нужна не только профессиональная подготовка, но и огромная выдержка, самообладание, большая культура, эрудиция, чуткость и подтянутость. В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 года «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью» сказано, что на службу в милицию принимаются граждане, преданные социалистической Родине и делу коммунистического строительства, способные по своим политическим и деловым качествам, подготовке и состоянию здоровья обеспечить охрану общественного порядка, успешно вести борьбу с преступностью и другими правонарушениями.

Партия и правительство высоко оценивают труд работников милиции. В этом году за героические подвиги орденами награждены младший лейтенант милиции П. М. Адомасов, младший сержант А. А. Русов, младший лейтенант Е. Н. Кубышта, милиционер А. А. Шапко, работники дорожного надзора милиции Д. М. Байдуга, А. Л. Шабалдин, подполковник милиции А. Т. Рыгалов, капитан милиции А. П. Чистяков и многие другие.

Курс на коренное улучшение качественного состава кадров самым положительным образом сказался на дальнейшем совершенствовании деятельности органов внутренних дел. Современная советская милиция, до конца преданная делу партии и своему народу, успешно справляется с задачами, стоящими перед ней. Молодые люди, на всю жизнь избравшие профессию сотрудника милиции, никогда не разочаруются в том, что посвятили свою жизнь работе на этом благороднейшем поприще.

ВОПРОС. Расскажите, пожалуйста, о некоторых сложных преступлениях, которые раскрыты органами внутренних дел в 1973 году.

ОТВЕТ. Раскрытие каждого преступления связано с напряженной, кропотливой, нередко длительной и всегда высококвалифицированной работой. Чтобы раскрыть особо сложные преступления, требуются поистине виртуозное мастерство, большой талант и неукротимое желание найти преступника и оградить интересы советского человека.

В селе Бостон, Ошской области, Бургандинское сельпо в торжественной обстановке открыло новый магазин. Но, как говорится, не успела высохнуть краска на стенах, как летней ночью магазин сгорел. К утру от него остались лишь почерневшие кирпичные стены. Сельпо был причинен ущерб в шестьдесят шесть с половиной тысяч рублей. Трудно было поверить в злой умысел завмага Уркумбая Мамадалиева. К тому же он работал в этом магазине всего четыре месяца.

При тщательном осмотре того, что осталось от торговой «точки», обнаружили не только копоть. С тыла, в стене, зиял пролом. Сторож, хотя и был сильно напуган пожаром, а еще больше тем, что отлучался от вверенного ему объекта, все же припомнил, что когда прибежал к магазину, то заметил неподалеку двух молодых людей. Он не знал, кто они, но приметы их запомнил.

Следствие было поручено майору милиции Шерембекову и капитану милиции Мамыралиеву. Прежде всего следователи решили найти молодых людей, указанных сторожем. И нашли. С помощью сельчан. Оказалось, что около горевшего магазина «грелись» сыновья самого заведующего — Абдыталип и Абдыкапар Уркумбаевы. С ними был еще подросток Сарыев. Он и показал, что братья Уркумбаевы уговаривали его поджечь магазин. Они подвели паренька к пролому, вручили зажженный факел и приказали: «Действуй!» Но мальчику стало жалко новый магазин, и он не выполнил приказ братьев. Тогда факел в пролом бросил Абдыкапар.

Братья-поджигатели упорно отмалчивались. А Сарыеву они не сказали, зачем надо было им спалить магазин. «Уж не со зла ли на отца?» — подумали следователи. Но они чувствовали, что поджог затеян совсем с иным умыслом. Однако это надо было установить, доказать. А братья молчали. И все документы, если так можно выразиться, молчали: отчетность Мамадалиева была в полном порядке. Но следователи продолжали тщательное исследование накладных, зная, что в каждой из них не только записи, цифры, но и свой подтекст.

Обратили внимание на накладную, которая отражала поступление в магазин крупной партии обуви. Обувь привезли в первые дни работы магазина. Причем в количестве, слишком большом для магазина с малым оборотом. Между тем заведующий складом Алимбеков утверждал, что этот товар поступил в магазин полностью.

Следователи опять обратились за помощью к сельчанам. И тогда люди показали, что никто в селе не купил ни одной пары этой весьма ходовой обуви, на полках магазина ее и не видели. А у Алимбекова на складе в документах полный порядок. Тогда следователи взялись за проверку путевых листов. Трудоемкая эта работа привела к успеху. На путевом листе в получении обуви расписался не Мамадалиев, а его сын — Абдыталип. В то время он заведовал магазином в соседнем селе. Прежде чем допросить его, вызвали водителя автомашины. Тот не был в преступном сговоре с жуликами и сказал, что обувь завозил Уркумбаеву. И подтвердил свои показания на очной ставке.

По предложению следователей ревизоры восстановили количествен-

В машинном зале Главного научно-исследовательского центра управления и информации МВД СССР.

Фото А. БОЧИНИНА.

В множительной лаборатории.

ный учет движения товаров по магазину Уркумбаева. Выяснилось, что он получил товар на шестнадцать тысяч рублей, а оприходовать «забыл». Теперь уже припертые доказательствами брат-расхититель и брат-поджигатель вместе с отцом стали рассказывать правду. Они назвали и главного жулика — Шадыканова — председателя сельпо. Шадыканов был своего рода распорядитель-диспетчер. Как только нарастала крупная недостача у кого-либо из его подопечных, он тут же велел заткнуть дыру товаром из другого магазина. В свое время по его указанию Уркумбаев передал не семнадцать тысяч рублей товаров в магазин Наджимова и Рахманова. Проверяя магазин за магазином, следователи вернулись к «погорельцу» Мамадалиеву. С его согласия был принесен в жертву магазин, чтобы скрыть недостачи всех жуликов компании Шадыканова. Но жертвенный огонь спалил самих преступников. Верховный суд Киргизской ССР осудил их на длительные сроки лишения свободы. Легко представить, сколь много нужно было знать следователям, какое профессиональное мастерство потребовалось от них, от работников ОБХСС, чтобы разоблачить матерых расхитителей социалистической собственности и заставить их полностью возместить ущерб. В процессе следствия, что очень важно, были вскрыты причины и условия, которые способствовали совершению этих преступлений. По представлению Министерства внутренних дел Киргизской ССР правление Киргизпотребсоюза рассмотрело вопрос о коренном изменении порядка производства ревизий, инвентаризаций. Было признано целесообразным охватывать ревизиями кусты торговых точек, а не отдельные магазины. Тем самым закрывались каналы, по которым можно было перебрасывать ценности из одного магазина в другой.

ВОПРОС. Расскажите, пожалуйста, как участвует общественность в работе по предупреждению правонарушений.

ОТВЕТ. Борьба за образцовый общественный порядок, за искоренение уродливых явлений стала в нашей стране делом общепартийным, общегосударственным. Известно, какую помощь органам внутренних дел оказывают многочисленные добровольные народные дружины, комсомольские оперативные отряды, советы профилактики, товарищеские суды...

В последнее время общественные организации стали более активно заниматься профилактикой, предупреждением правонарушений. Особенно среди несовершеннолетних. В работе детских комнат милиции принимают участие свыше миллиона педагогов, комсомольцев, рабочих, служащих, пенсионеров. Это могучая сила, активно воздействующая на «трудных» подростков, на так называемые неблагополучные семьи.

Во многих городах и районах страны создаются советы профилактики правонарушений. Советы эти действуют и по месту жительства и на работе. В Калининградской области созданы 93 таких совета, в работе которых принимают участие более 18 тысяч человек. Система воспитательных мер позволила добиться значительного сокращения правонарушений среди подростков.

По примеру Ленинграда на многих предприятиях появились наставники. Эти мастера, бригадиры, берущие шефство над «трудными» подростками, объединяют их в сплоченные производственные коллективы со своим особым микроклиматом, в условиях которого юноши и девушки становятся квалифицированными рабочими, продолжают свое образование, активно вовлекаются в общественную жизнь. На Новолипецком металлургическом заводе сейчас работают 150 таких наставников. Здесь заметно улучшилась трудовая дисциплина подростков, по-иному ведут теперь себя они в общественных местах. В бригаде наставника В. П. Евдокимова 11 подростков. Трое его подопечных совмещают работу с учебой в вечерней школе, остальные учатся в высших и средних специальных учебных заведениях. Некоторые бывшие воспитанники наставников теперь сами возглавляют производственные бригады. В Алданском районе Якутской АССР коммунист В. С. Якимов в 1971 году возглавил молодежную бригаду заготовщиков слюды и вывел ее в передовые. Теперь во главе бригады — его бывший воспитанник, коммунист Николай Гаврон.

В последние годы сложились новые — правда, они уже успели стать традиционными — формы работы с подростками по месту жительства — спортивные и технические кружки, различные клубы, лагеря труда и отдыха, в которые летом направляются так называемые «трудные» подростки. Все это способствует военно-патриотическому воспитанию, благоприятно влияет на дальнейшее формирование личности подростков, создает у них правильное представление о месте молодого человека в жизни.

Хочу отметить еще одну очень эффективную меру профилактики правонарушений несовершеннолетних. Я имею в виду их участие в работе студенческих строительных отрядов. Абсолютное большинство «трудных» подростков, выезжавших летом вместе с этими отрядами, в корне меняют свое поведение. Характерно, что студенты опекают таких парней не только во время работы в отрядах, но и продолжают шефствовать над ними и после возвращения домой, помогают им в учебе, организации досуга, встречаются с их родителями.

* * *

В заключение беседы Министр внутренних дел СССР генерал-полковник Н. А. Щелоков горячо, от всей души поблагодарил советских тружеников, творческую интеллигенцию, работников печати, кино, радио, телевидения, всю советскую общественность, которая вместе с милицией, органами внутрённих дел в целом, вместе с судом, прокуратурой неутомимо работает над тем, чтобы искоренить антиобщественные явления, которые еще омрачают жизнь советских людей.

— В этот праздничный день,— сказал министр,— на необъятных просторах нашей Родины, на Севере и на Юге, на Дальнем Востоке и на Западе, в заполярном Норильске и знойной Бухаре на своих боевых постах стоят солдаты порядка. Хочется сердечно поздравить их с Днем советской милиции и пожелать им больших успехов в их нелегком, но благородном труде.

А. ЗУБОВ,
Л. ЛЕРОВ

Рисунки Н. УШАКОВА.

«ПО ПРОСЬБЕ ДРУГА»

...Ну вот, кажется, и все, что могла передать Рона. Виктор Павлович Бутов аккуратно складывает папки, убирает со стола диктофон, пленки. Рона, пожалуй, сделала максимум того, что можно было сделать. А что касается «перепроверки» Глебова, то и здесь многое проясняется. Сопоставляя рассказы Ирины, хозяйки квартиры, где жил Глебов, материалы, найденные в его комнате, можно хотя бы приблизительно представить все, что произошло с Глебовым...

В конце апреля Глебов приехал в Москву. Он позвонил Ирине с вокзала, сказал, что в столицу прибыл для утверждения проекта, а еще — чтобы увидеть ее, Ирину... Потом заговорил о весне, о том, что его весенние стихи посвящены ей, милой его сердцу москвичке... Ирину вовсе не увлекла эта весенняя взволнованность Глебова, и она тут же дала ему это понять...

В тот день Ирина пришла домой раньше обычного. Захар Романович был у себя в кабинете, ему с утра нездоровилось. Но кто это у него там, с кем он так оживленно беседует? Пока она слышит только голос отчима... Захар Романович говорил о чехословацких событиях... А собеседник лишь поддакивал. Но вот и он подал голос. Глебов! До чего же назойливый этот ухажер! И, полная решимости отчитать его, Ирина распахнула дверь кабинета отчима. Ее поразило: оживленный разговор мгновенно прервался, а Глебов стал лепетать что-то о картинах: «Я принес Захару Романовичу самого Модильяни. Вы представляете, что это такое — альбом работ Модильяни. Днем с огнем не сыщешь».

Ирина ненадолго задержалась в кабинете отчима. Сказала, что не хочет мешать вести деловые разговоры. Глебов попытался переключиться на шутливый тон, стал уверять, что все дела меркнут, когда появляется женщина, но Ирина попрощалась и отправилась в свою комнату. Вскоре она услышала, как хлопнула дверь. Глебов ушел.

Через два дня, в воскресенье, в канун возвращения Глебова на стройку, у Владика собрались на вечеринку. Были тут Ирина с Сергеем, Глебов и еще несколько друзей хозяина дома. Часов в одиннадцать гости стали расходиться. Последним уходил Глебов. «Старик, задержись, есть дело»,— негромко сказал ему Владик и протянул какой-то пакет. Пьяный, он не заметил стоявшую рядом Ирину. В то время и она не придала никакого значения его словам.

«Есть дело...» Теперь Бутов догадывается, что это за «дело», что за пакет. Найденное в квартире погибшего Глебова письмо Соловьева, уже известный полковнику «коктейль» из магнитофонных записей, наконец, неотправленное и недописанное письмо другу. Тут, пожалуй, и домыслить нетрудно...

И Бутов вновь вспомнил сообщение Роны: «перепроверить Глебова — один ли действовал?»

И тут его, Бутова, осенило. Это и была перепроверка! Вместе с магнитофонными записями Владик сунул Глебову фотокопию письма некоего Соловьева. Для Глебова это новая ступень той скользкой тропы, на которую он уже вступил. Владик сунул письмо и выжидал, как будет реагировать. Обычная проверка... Бутов уже знает, чем она кончилась. Он читал неотправленное письмо Глебова. «Нет, дружище, я не приемлю послание Соловьева... Может, ты случайно передал его мне? Случайно ли?.. Надо нам встретиться и о многом поговорить».

Они уже никогда не встретятся... Но ясно, что у Глебова стали действовать сдерживающие центры, что-то начинало проясняться в сознании молодого человека, беспомощно барахтавшегося в сетях Дюка и Веселовского. Не Ирина ли тому «виной»? Все может быть. Теперь никто не объяснит...

Позже Веселовский покажет на допросе, как он хотел перепроверить Глебова: да, оказалось, что Бутов не ошибся в своей догадке.

Бутов любил ходить по улицам Москвы рано утром, когда они еще тихи и безлюдны. Потому он и вышел сегодня из дома раньше, чем надо. Должен был за ним заехать на «газике» капитан из стройбата. Им вместе следовать на поиск снаряжения Сократа... Так решено на совещании у генерала, когда Клементьев поставил все тот же вопрос: кто он, доктор Рубин? И в свойственной Клементьеву манере формулировать мысли по пунктам; он так и помечал на белом листке бумаги: 1, 2, 3, 4...

— Что дает нам основание подозревать Сократа в нечестной игре? На месте приземления Рубина снаряжение не найдено — раз. Рубин скрыл от нас свою роль при допросе партизана — два. Не стал рассказывать о стамбульском базаре — три. Линия Веселовский — Глебов — Рубин, контакт с Глебовым по части более чем «пикантной» литературы — четыре. Появление Рубина в приемной КГБ и исчезновение Веселовского — это события одного дня: какая между ними связь? Мда-а-а... Гипотеза. А главное — снаряжение.. Нет его. Если не лжет, должны были найти. Не иголка...

— Я думаю, что Тропинин исчерпал все возможности,— заметил Бутов.— Хочу сам выехать на место...

— Что же, одобряю... Действуйте!

По дороге Бутов должен заехать за Рубиным в подмосковный дом отдыха: старик сильно сдал, осунулся, стали дрожать руки, сидит на бюллетене, дома атмосфера гнетущая... Ирина не желает разговаривать с отчимом. Посоветовавшись с генералом, Бутов предложил Рубину недельку провести в Подмосковье: пусть придет в себя немного.

С тех пор минуло несколько дней, отмеченных немаловажными событиями, вокруг которых и вертелись сейчас мысли Бутова, разгуливающего в ожидании «газика» возле дома.

...Из Сибири приехали Крымов и Стронов. Стронов поселился у Крымова. Они крепко сдружились — эти так непохожие друг на друга люди разных судеб и возрастов...

В кабинете генерала состоялась трогательная встреча Стронова с группой соратников по партизанскому отряду: вызванные Бутовым в столицу, они ждали приезда Сергея Николаевича.

Да, это тот самый Стронов, что принял столько мук в фашистском застенке и никого не выдал, ни в чем не признался, тот самый, которого допрашивал завербованный абвером Захар Рубин. Судьбе угодно было более четверти века спустя скрестить их дороги — сильного духом Стронова и малодушного Рубина. Еще не совсем ясно, потребуется ли очная ставка или можно ограничиться документально зафиксированными свидетельствами всех, кто сидел за столом. Разве только сам Стронов пожелает... Бутов пристально всматривался тогда в лицо этого человека, в его глаза: где-то очень глубоко-глубоко они оставались печальными и добрыми. «Что скажете, Сергей Николаевич, как порешите — лицом к лицу будете разговаривать с ним, с Рубиным, или не станете нервы себе трепать? Сейчас Рубин находится в Подмосковье, неделю пробудет там. Но слово за вами, потребуете — немедленно вызовем...»

Сергей Николаевич вздрогнул, но, быстро овладев собой, тихо спросил: «Надо ли?» Бутов ничего не ответил и перевел разговор на дела стройки.

Когда гости стали уходить, Бутов попросил Стронова ненадолго задержаться. «У меня к вам ряд вопросов. Вы никуда не спешите? Вот и хорошо...» Полковника интересовало все, что сибиряк может сказать о Крымове, все, что его молодой друг рассказывал о себе.

...События развивались и в другом направлении: были предприняты поиски Веселовского. Решили, что он скрылся у одной из своих подружек — их было много у него. И в разных городах: курортные знакомства... Пребывавший в исправительно-трудовом лагере «Саша-валютчик» дал их адреса. «У нас с Владиком,— объяснил он,— были общие дела, валюта, знакомые девушки... Мне они нужны были на периферии. Помощницы...» Оперативные сотрудники Бутова разыскали Риту в Новосибирске, Катю в Курске, Эллу в Баку... Никаких следов самого Веселовского! Труднее было найти некую Марго в Батуми. Но и ее наконец разыскали... Муж в плавании, а сама она третьего мая неожиданно куда-то уехала. Обычно, уезжая, Марго предупреждала соседей, просила поглядывать за квартирой, а на этот раз никому ничего не сказала. Куда, зачем уехала? Неизвестно. Опрос соседей, дворника, управдома, участкового ничего не дал. Фотография Веселовского никому ни о чем не говорила. Поиск Веселовского явно осложнялся. А отыскать его надо во что бы то ни стало. От Роны пришло еще одно сообщение, из которого следовало, что именно Веселовскому поручено,— на тот случай, если у Глебова возникнут осложнения,— самому сблизиться с Рубиным. В частности, хозяева Веселовского интересуются, как относится Рубин к развитию событий в Чехословакии, каковы его настроения. И, видимо, в этой связи уже что-то предпринято.

Оперативный сотрудник Снегирев, наблюдавший за квартирой Рубина, позавчера сообщил, что неизвестная женщина опустила в почтовый ящик Рубина какой-то пакет. Снегирев не успел проследить ее дальнейший маршрут — она вышла из подъезда и тут же нырнула в поджидавшее ее такси. Удалось только записать номер машины. Судя по рассказу таксиста, женщина эта говорила по-русски с акцентом. Машину взяла на стоянке у Пушкинской площади и туда же вернулась...

С разрешения соответствующих органов пакет был изъят из почтового ящика — Ирина в тот день поздно возвращалась с работы и не успела еще открыть ящик. В пакете оказалась магнитофонная пленка и записка, напечатанная на машинке. Неизвестный сообщил, что по просьбе близкого друга Рубина посылает ему пленку с интересовавшими его записями. Если доктор пожелает и впредь получать подобные же пленки, он должен во дворе дома 22 по Ленинскому проспекту повесить объявление о продаже холодильника «ЗИЛ» и указать такой-то номер телефона. Пакет к вечеру того же дня был водворен на место. На пленке были записаны песенки на английском и немецком языках вперемешку с текстами обращения чехословацкого контрреволюционного подпольного комитета «борцов за свободу» к советской интеллигенции. В обращении — призыв к активным действиям и антисоветские клеветнические измышления. Бутов приказал провести исследование фотокопии записки, конверта, познакомиться с телефонным абонентом. Как и следовало ожидать, неизвестный указал совершенно случайные адрес и телефон. Пакет, видимо, был опущен туристкой с Запада, выполнявшей чье-то задание. Впрочем, возможно, что пакет брошен в почтовый ящик Рубина действительно «по просьбе друга». Тогда кто этот друг? Веселовский или Егенс? А что дальше? Какова будет реакция Рубина после того, как прослушает пленки? Сообщит ли Бутову? Вывесит ли объявление?

...Обо всем этом и раздумывал полковник, ожидая «газик».

ПИСЬМО ИРИНЫ

И вот уже, хмурый, чем-то расстроенный, Рубин сидит в машине рядом с Бутовым и односложно отвечает на участливые вопросы Виктора Павловича: «Как здоровье? Самочувствие? Хорошо ли в доме отдыха?» И вдруг Рубин встрепенулся... Это когда Бутов поинтересовался здоровьем Ирины: «Надеюсь, никаких серьезных последствий аварии медицина не обнаружила?»

— Есть последствия. Но они вне компетенции медицины,— понурив голову, обронил Рубин.

— Что-нибудь случилось?

— Да! Ирина ушла от меня. Вчера приехал домой и не застал ее. На столе лежала записка...

Рубин достал из бумажника аккуратно сложенный листок бумаги и протянул его Бутову.

— Читайте... У меня нет от вас тайн...

Из не очень пространного, но довольно сумбурного письма Ирины следовало, что отчим уже давно стал для нее чужим человеком. Она не приемлет его цинично-потребительский взгляд на жизнь; она не может понять, на какой почве могла возникнуть дружба Рубина и Глебова, истинное лицо которого открылось перед ней в день его гибели: «Не понимаю и знать не хочу. Вы старательно долбили в одну точку, каплю за каплей: «Сергей — бездарь, Глебов — талантлив». Вы часто спрашивали меня: за что я полюбила Сергея? Я где-то читала, кажется, в воспоминаниях Андреевой, что любит,

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—44.

потому что любит, а не за что-нибудь... Не знаю, поймете ли вы меня: я увидела в нем, вернее, почувствовала близкого мне человека...»

Но самые страшные для Рубина — последние строки: «Я не хотела писать Вам об этом. Но все равно когда-нибудь Вы должны будете узнать. Лучше от меня... Я встретилась с родным отцом. Как это произошло, не имеет значения... Пишу эти строки, раздираемая противоречивыми чувствами — чувством благодарности Вам за все, что Вы сделали для меня и... Нет, не хочу писать обидные слова... Не хочу! Нельзя перечеркнуть столько лет жизни с человеком, который заменил тебе отца. Это сложно...»

Полковник вернул Рубину письмо, не проронив ни слова, не задав ни одного вопроса. Он ожидал, что скажет сейчас Захар Романович. Но тот лишь вздыхал и нервно постукивал пальцами о колено.

Бутов рассеянно смотрел на влажный асфальт, убегавший под колеса машины, на поля, на окутанные молочным туманом деревни и на старые вязы по обочинам дороги.

В полдень они прибыли в район поиска. Моросил холодный мелкий дождь. Захар Романович, поеживаясь, кряхтя, вылез из машины и, поглощенный своими невеселыми думами, отошел в сторону, как бы подчеркивая: не хочу мешать вам, товарищ Бутов. Капитан направился в деревню искать саперов. Они прибыли сюда раньше. Бутов остался около машины, терпеливо ожидая, когда же наконец заговорит Рубин. Ему казалось, что молчание явно тяготит Захара Романовича...

За дни, что прошли после его появления в КГБ, Рубин постарел на несколько лет. И щеки впали, и мешки под глазами стали больше, и бесследно исчезла былая осанка. Теперь во всем его облике чувствовалась какая-то пришибленность. Беспокойно бегающими глазами Рубин оглядывал то опушку леса, то низкий берег реки за мостиком, то новенькие дома на окраине деревни.

Бутов подошел поближе к Рубину и спросил: «Вы, кажется, что-то сказали или я ослышался?» Рубин поднял голову, вопрошающе посмотрел на него и нетвердым голосом ответил: «Нет, я ничего не сказал...» А после небольшой паузы добавил, и притом несколько многозначительно: «Я только хотел сказать...» «Слушаю вас... Может, мы вернемся в машину. Погода не очень приветлива...» «Да, что-то знобит...» Они сели в машину, и Рубин все тем же нетвердым голосом промолвил:

— Я, право, не знаю, с чего начать. Прежде всего позвольте заверить вас, что я буду откровенен до конца. Я не могу больше... Недомолвки... Это как камень на шее. Я показал вам письмо Ирины, полагая, что вы тут же спросите меня...

— Зачем же спрашивать, когда и без того очевидно, что вы не все сказали. Неизвестны только побудительные причины. О них можно лишь догадываться. Итак, я слушаю.

Виктора Павловича не подвел его опыт... Рубина действительно «прорвало». Видимо, слишком тяжел был «камень на шее».

Рубин говорил тихо и несвязно. Дружба с Глебовым... Как возможный и — в его представлении — перспективный зять он сформировался позже. А сначала было иное... Начиналось с покупки картин, с участившихся на этой почве встреч...

— Главным образом у меня дома, чаще с глазу на глаз, иногда в присутствии Ирины, а реже — в ресторане, с участием Веселовского. И тогда мне показалось, что «парадом командует» он. Владик Веселовский, тип весьма неприятный. Глебов оказался интересным собеседником, острым, наблюдательным, со своими взглядами на многие явления жизни. Впрочем, иногда я ловил его на том, что он говорит услышанное несколько дней назад по радио. Я имею в виду западное радио... Рассуждал о жизни вообще, Глебов однажды переключился на злободневную в ту пору тему — события в Чехословакии. И тут же достал из кармана свернутую в трубку машинописную рукопись неизвестного мне автора, которого характеризовал так: «Талант, но, увы, у нас не признан. Причислен к касте очернителей». Прощаясь, Глебов сказал: «Рукопись могу оставить на три дня, но прошу учесть... Надеюсь, вы все понимаете, Захар Романович. Никому не показывать, даже Ирине. А вообще-то, если вас, Захар Романович, такая литература интересует, могу быть полезным, даже магнитофонные записи достану». Так постепенно укреплялись наши контакты... Во время последней встречи в ресторане «Арагви»,— продолжал Рубин,— Глебов уже на улице, прощаясь, шепнул мне: «Если вы получите пакет с такой же пленкой, какую мы с вами недавно прослушивали, не удивляйтесь. Один наш общий знакомый по моей просьбе позаботился и о вас». Только вернувшись домой, я стал осмысливать все то, что сказал Глебов. Был у меня такой порыв — повидаться с ним до его отъезда и потребовать: «Увольте меня от забот нашего общего знакомого». Но сразу я Глебова не разыскал, а через два дня он улетел... Вчера, когда заглянул домой, на столе, рядом с письмом Ирины, лежал адресованный мне пакет. В нем оказалась пленка из той же серии, что и мы с Глебовым прослушивали. Вот и все...

— Все?— переспросил Бутов.

— Видите ли, Виктор Павлович...

Но в этот момент появился капитан, и разговор прервался.

...И снова идет поиск снаряжения разведчика. Новые шурфы, новые надежды. И новые неудачи. После долгих блужданий по неприветливому и топкому лесу Бутов спросил Рубина: «Что будем делать, Захар Романович?» Доктор развел руками.

— Право, не знаю. Могу только просить... Прошу вас верить.

— А доказательства? Вы хотите, чтобы мы вам верили. Но согласитесь, что все как-то складывается не лучшим образом. И не в вашу пользу. Не так ли?

Сейчас можно было бы, конечно, продолжить прерванный разговор. Но Бутов не торопится и не торопит. Пусть Рубин еще на какое-то время останется один на один со своими тревожными мыслями. И пусть самая тревожная среди них — снаряжение до сих пор не найдено! — заставит его наконец решиться на полную откровенность. Ему, Бутову, надо увидеть подлинное лицо этого человека. Виновен или нет? С открытой душой к ним явился или это двойник, который снимает маску лишь в той мере, в какой принуждают его обстоятельства?..

— Так что же будем делать, Захар Романович? — повторяет Бутов свой вопрос.

— Не знаю... Не могу припомнить, где зарыл...

Он еще ниже склонил голову, нащупал в кармане сигареты, закурил и глубоко затянулся.

— Постарайтесь вспомнить хотя бы основное: местность, где вы приземлились, та самая? Или сомневаетесь?..

— Будто бы та самая,— не совсем, однако, уверенно промолвил Рубин.— Я запомнил ориентиры...

— Что вам бросилось в глаза, когда вы вышли на открытую местность?

— Мост... Извилина дороги...

— И вокруг никого не было?

Захар Романович помедлил с ответом, видимо, напрягал память, пытался воссоздать обстановку того утра.

— Кажется... да-да, вспоминаю... Я видел стадо коров.

— Стадо без пастуха? — спросил Бутов. Захар Романович уставился на него глазами, полными отчаяния и смутных надежд.

— Пастух?.. Да, стадо пас мальчик лет двенадцати.

— Встретили мальчика... Это хорошо...— У Бутова свой, профессиональный ход мышления.— Очень хорошо. Теперь... попытайтесь вспомнить, что дальше было.

— Когда я вышел из леса, он заметил меня, пошел навстречу и, поравнявшись, попросил закурить. Я пожурил его, сказал, что такому пареньку курить еще рано, но папиросу все-таки дал.

— Вы спросили, как его звать, этого мальчика?

— Да. Его звать... Дай бог памяти...— Захар Романович потер лоб ладонями, покряхтел, постонал и вдруг звонко отчеканил: — Макар! Да, да, Макар! Я его спросил, как тебя звать, и он ответил: Макар. Фамилия?.. Нет, фамилию не спросил.

Бутов хотел задать еще один вопрос, но, взглянув на обессиленного Рубина, понял, что сейчас этот человек уже не способен ни вспоминать, ни разговаривать, ни даже стоять на ногах. Еще минута — и он повалится на землю. Виктор Павлович взял его под руку и молча повел к машине.

ДВЕ ФОТОГРАФИИ

С утра на Бутова обрушился поток всякой информации... Больше всего его взволновало сообщение Михеева: «Стронов в больнице! Душевное потрясение!»

...Ирина встретила гостя хорошо, ведь он прибыл от любимой тетки с поручением. Пригласила его к столу. Но Стронов решительно от всех угощений отказался и, не глядя на Ирину, тихо сказал: «Вы уж простите меня. Я обманул вас... К вам я не от тетушки пожаловал, а от Сергея. Знаю, что в последнее время не очень

то жалуете вы его... Вот и не хотел сразу раскрываться, боялся, что и со мной разговаривать не станете».

Ирина рассердилась, и Стронов потратил немало усилий, чтобы успокоить ее: «Вы не сердчайте на него, милая девушка. Поверьте, я лучше вас жизнь знаю, не спешите давать оценку людям. Парень он настоящий, а споткнуться и на паркете можно...» И Стронов рассказал, как все произошло с той злополучной телеграммой...

Разумом она все понимает, а сердцем не приемлет, не без злости спрашивает: «Сколько можно спотыкаться?» И, не ожидая ответа, рассказывает Стронову все то, что он уже давно знает о Сергее.

Но что такое? Почему гость не слушает ее, значит, он знает все? Почему он так пристально смотрит туда, где за стеклом книжной полки стоят две большие фотографии... Сергей Николаевич подходит поближе, пристально рассматривает их...

— Откуда у вас эти фотографии? — Эти слова он почти прокричал.

Ирина испуганно всмотрелась в гостя...

— Что с вами? Дать воды?

— Не надо... Быстрее отвечайте. Откуда у вас эти фотографии?

Ирина подошла к гостю, взяла его под руку, усадила.

— Почему вас так заинтересовали фотографии? Это моя мама с отчимом сразу после войны... А это папа, которого я никогда не видела и не увижу. Он погиб на войне.

...Обо всем, что произошло потом, Ирина уже рассказывать не может, да и помнится ей все это смутно. Как Стронов откинулся на спинку кресла, как судорожно затряслись его руки... И все же он нашел в себе силы приподняться, обнять, расцеловать ее: «Доченька!» Ирина, потрясенная, гладила его седые волосы и сквозь слезы воскликнула: «Папа!». Потом звонила Сергею: «Скорей, скорей приезжай!» — это вместо того, чтобы звонить в «неотложку». Ей кажется, что отцу стало лучше: принял нитроглицерин, он уже не так тяжело дышал. Сейчас она уложит его, поставит горчичники. Стронов протестовал, не желая оставаться в доме Рубина... Он уговаривал Ирину уехать сейчас же, вместе с ним. И навсегда. Куда? Ну, хотя бы к Сергею... А Рубин?.. «Оставь ему письмо... Ты больше не вернешься сюда. Никогда».

Ошеломленная, Ирина не совсем понимала, что стоит за этим категорическим требованием отца. В конце концов отчим ничего плохого ему не сделал. Более того, сберег ему дочь. Почему же не встретиться, не поговорить, не остаться с отчимом в добрых отношениях? В чем дело?..

Не знает Ирина, что среди фотографий, взбудораживших отца,— фотография человека, лицо которого он никогда не забудет... Да и как забыть тот час жизни на грани смерти, тот допрос в фашистском застенке? И этого человека, стоявшего тогда в кругу гестаповцев... Не знает она этой страшной правды и никогда не узнает. Стронов даже не заикнется о том, кем был ее отчим. И только скажет ей со всей твердостью:

— Не спрашивай меня ни о чем, но ни твоей, ни моей ноги в этом доме не должно больше быть.

...Обо всем этом Михеев подробно рассказывает Бутову со слов Ирины. А она говорила бессвязно — говорила и плакала. Сергей был рядом. Они теперь неразлучны. Никуда она отсюда уже не уедет, от своего Сергея. А ночью отцу опять стало плохо, и врач «неотложки» распорядился: немедленно в больницу!

Бутов слушает Михеева и вспоминает вчерашний разговор с Захаром Романовичем, письмо Ирины... Встает перед ним фигура обессиленного, поникшего, приниженного Рубина, который, кажется, не сегодня-завтра может оказаться там, где и Стронов. «Ничего не поделаешь, Захар Романович! Надо расплачиваться. И по самому крупному счету — счету совести». Минуту-другую полковник сидит молча, раздумывая о запутанности житейских дорог... Владик... Макар... Да, да, их надо искать. Искать, всюду искать, используя все средства, имеющиеся в распоряжении КГБ. Что же касается Рубина, то пусть он пока отдыхает. И думает. Ему есть о чем подумать...

Они опросили жителей Плетневки и сел, примыкавших к району высадки парашютиста Рубина. Устанавливали всех Макаров, которым тогда было десять — тринадцать лет. Набралось семь человек, но только двое из них по-прежнему жили и работали в том же районе. Опрошенные заявили, что никогда пастухами не были, что в места, о которых речь идет, в ту пору, которая интересует органы госбезопасности, не хаживали. Итак, остались еще те пятеро с именем Макар...

Застучали телетайпы. В сотни адресов были переданы фотографии Рубина военных лет. В те дни Бутова одолевала тревожная мысль: может, и нет никакого «Макара-пастуха»? А есть человек, неплохо разыгрывающий роль раскаявшегося грешника и порой «подбрасывающего» что-то новое о своем прошлом. Ведь вот уже два дня, как Рубин вернулся домой из Подмосковья и не дает знать о себе, не ищет продолжения разговора, начатого тогда, в машине.

НАШЛИ!

...В один и тот же час к Бутову поступило два сообщения от поисковых групп — самой северной и самой южной, из Якутии и Аджарии... В Якутии отыскался Макар Волков, тот самый пастушок, что повстречался Рубину. Послезавтра его нужно встречать в аэропорту. А завтра утром доставят Веселовского, задержанного недалеко от Батуми, где он скрывался на даче своей Марго.

Волков не заставил чекистов долго ждать себя. Получив телеграмму-вызов, тут же прилетел. Поздно вечером. А на рассвете над Москвой поднялся вертолет, взяв курс на Плетневку. На борту вертолета Бутов, Рубин, Волков. Саперы уже на месте.

...После двух часов поиска на пятом шурфе старший команды саперов радостно воскликнул:

— Нашли!

Рубин внимательно разглядывает коробочки, рацию в сумке, пистолет, пачки денег... Все это было завернуто в парашют и выглядело новехоньким. Он предупрежден — не имеет права даже пальцем прикоснуться к своему бывшему снаряжению — вещественные доказательства.

Бутов спокойно наблюдал, как двое сотрудников КГБ — они прибыли сюда вместе с саперами — в перчатках, осторожно раскладывали на подстилке шпионские средства связи, нападения и обороны. Стрекотала кинокамера. Весеннее солнце светило ярко, и были основания надеяться, что кадры получатся хорошими. Теперь последнее слово за экспертами. Им отвечать на вопрос: было ли все это снаряжение в работе? Если да, то сохранились ли следы, свидетельствующие о причастности доктора Рубина к использованию снаряжения?

К вечеру вернулись в Москву. Всю дорогу Рубин молчал. Он сидел хмурый, бледный, опираясь головой на сплетенные руки. И только когда машина подъехала к его дому, он впервые за последние несколько часов растерянно спросил:

— Какие будут дальнейшие указания, Виктор Павлович?

— Никаких,— сухо ответил Бутов.— Если, конечно, у вас у самого не возникнет необходимости сообщить что-то в дополнение.

Рубин испуганно посмотрел на Бутова.

— В дополнение... Я хочу сказать...

На мгновение — нет, ему, Бутову, это не показалось! — у Рубина, видимо, вспыхнул какой-то порыв, желание что-то сообщить... Вспыхнул и угас.

— Я хочу сказать,— продолжил Рубин после небольшой паузы,— что с нетерпением буду ждать заключения экспертов.

— А разве вы не уверены в этом заключении?

Он испуганно посмотрел на полковника, но на вопрос его не ответил.

...О судьбе Веселовского Ирина и Сергей узнали в КГБ, куда их вызывали в качестве свидетелей, строго предупредив: «Никто не должен знать об аресте Веселовского и о том, что вас вызывали в комитет по его делу».

Первым свидетельствовал Сергей. Разговор был долгий, трудный... Крымову пришлось со всеми подробностями рассказывать о той своей жизни, которую он хотел бы забыть. Тогда же состоялась его очная ставка с Владиком. Глядя в лицо своему бывшему другу, Сергей сказал все, что думал о нем. Слова были гневные, обличительные. Владик слушал его, насупившись, а Сергей искоса смотрел на него — о, это уже не «король», не «хозяин»... Исчезли лоск, артистическая осанка, снисходительная улыбка. И только однажды на лице Владика мелькнуло некое подобие улыбки — но не прежней, наглой, а сдержанной и даже виноватой. Крымов уловил эту тень улыбки и, истолковав ее по-своему, счел нужным заметить: «Все сказанное мною в адрес Веселовского в какой-то мере относится и ко мне самому. Я готов нести ответственность».

...На улице его ждала Ирина. Она ни о чем не спрашивала Сергея. Лишь в глазах его прочла: было тяжело, а сейчас стало легче. Вскоре вызвали и ее...

Ирине не очень понятны вопросы следователя, когда речь зашла о связях Глебова и Веселовского с Рубиным. Что стоит за этими вопросами, при чем тут Захар Романович? Она выжидающе смотрела на следователя — может, этот человек внесет ясность. Но он сам ждал ее ответов на свои вопросы. Вопросы касались встреч, разговоров, давно забытых и в свое время казавшихся малозначащими.

От следователя Ирину провели к Бутову. Она в нерешительности остановилась посреди кабинета — хмурая, встревоженная... О чем будет расспрашивать ее этот человек? Снова о Глебове, Владике? Или об отчиме? Им, оказывается, тоже интересуются здесь — для нее это открытие...

— Что же вы стоите? Присаживайтесь...

Она беспомощно обвела взглядом небольшой кабинет Бутова, села. Приготовилась было к вопросам о Глебове, Веселовском... Но Бутов повел разговор совсем о другом. Его интересуют планы молодых: где собираются жить, не вернулся ли Серežкин дядя из зарубежной командировки? Потом стал расспрашивать о дальнейших намерениях Сергея, о ее делах в институте: «Какие проблемы решаете, Ирина Захаровна?» Ирина отвечала живо, даже несколько задиристо, она и не заметила, как исчезла тревога и растерянность. «Пытаюсь предотвратить самоистребление человечества, разрушение нашей планеты... Занимаюсь экологией...»

— Значит, с родным отцом единым фронтом действуете? Он, так сказать, по общественной линии, а вы по научной? Надеюсь, Сергей Николаевич рассказывал вам о своих битвах за очистители?

— Нет, не успел... Я от Сергея об этом слышала. Они ведь друзья.

— А как здоровье папы? Долго ли еще лежать в больнице?

— Ему легче стало. Первые невеселые прогнозы медиков, кажется, не подтвердились. Теперь он бунтует, не хочет в больнице оставаться. Мы его скоро заберем домой...

— Простите, куда вы сказали — домой?

Она сразу уловила суть вопроса:

— Дом Сергея теперь и мой дом. И дом моего отца...

Окончание следует.

ИНЖЕНЕРЫ — УЧЕНЫМ

На диспетчерском пункте раздался сигнал тревоги: загрязненность воды на одном из участков реки превысила допустимый предел. Причина в том, что завод нарушил нормы очистки отработанных вод. Звонок на завод — прекратить спускать отходы. Все это произошло в считанные минуты. Однако ни инспекции, ни контролеров на реке не было. Кто же поднял тревогу?

Небольшие автоматические устройства, установленные на реке, бдительно следят за чистотой воды, записывают и передают на диспетчерский пункт сведения о состоянии водоема. В случае же чрезмерной загрязненности автоматы немедленно посылают сигнал тревоги.

Такую автоматическую систему контроля можно было увидеть в Сокольниках на Британской выставке научно-технического оборудования.

— Это уже третья выставка, организованная нами в Москве,— говорит директор ассоциации «Сайма» Вильям Баррет.— От предыдущих она отличается тем, что, кроме заключения торговых сделок с представителями советских организаций, мы преследуем и чисто научные цели. Сейчас в Москве работает объединенная группа советских и британских ученых и инженеров по программе научно-технического сотрудничества между нашими странами. Одна из ближайших задач — подготовка в 1974 году симпозиума по контролю и измерению загрязнения окружающей среды. Большинство приборов, которые вы видите на нашей выставке, могут быть использованы для этой цели.

Человечество так долго и «настойчиво» уничтожало чистоту воды, земли и воздуха нашей планеты, что и в водоемах, и на земле, и в недрах образовались новые вредные химические соединения, обнаружить которые зачастую довольно трудно. Понадобились более точные, быстрые и тонкие методы исследований. На помощь ученым пришла электроника.

Вот автоматы, контролирующие чистоту воздуха, приборы, следящие за появлением взрывоопасных смесей газов на шахтах и нефтяных разработках. На стендах можно увидеть приборы, которые улавливают мельчайшие частицы ядовитых элементов в растениях и организме животных, ведь, отравляя землю и воду, мы отравляем и растения. Эти приборы применяются и для исследований в медицине.

Чудеса электроники демонстрирует старейшая английская фирма Джордж Кент. Интересно отметить, что эта фирма была основана внуком Чарльза Дарвина. Традиция действует и по сей день: нынешний вице-президент фирмы доктор Эразмус Барлоу — потомок великого английского ученого.

Вычислительные устройства, созданные инженерами, умеют «видеть»: они различают форму и цвет предметов, способны рассортировать их по величине, давать ученым сведения об их составе.

Другой интересный прибор, «стереоскан», уже известен нашим ученым: несколько таких устройств работает в научных институтах. «Стереоскан» — электронный микроскоп в сочетании с вычислительным устройством — предназначен для изучения поверхностей любых твердых тел. Если посмотреть на кристалл титана в обычный микроскоп, то поверхность его покажется гладкой, на экране же «стереоскана» — совсем другая картина: мельчайшая шероховатость кажется фантастическим горным пейзажем. Прибор делает моментальные микроснимки прямо с образцов при увеличении от 20 до 50 тысяч раз.

Ни одна отрасль науки не обходится сейчас без вычислительной техники.

МИНИК — так называются миникомпьютеры, представленные на выставке. Их можно использовать и как самостоятельные установки и как часть большой ЭВМ. Миникомпьютеры применяются и в медицине и в ядерных исследованиях, словом, во всех отраслях науки. Недаром над каждым стендом висит плакат: «Инженеры — ученым».

О. ПЕРФИЛОВА

ИВАН ЕФИМОВИЧ ПУЗАНОВ

Тяжело писать эти слова: нет больше Ивана Ефимовича Пузанова. Вместе с нами он готовил этот очередной номер «Огонька» и вдруг страшная весть: скоропостижно скончался.

Ему было всего 44 года, он успел многое сделать, но главное было впереди — новые книги, встречи с новыми героями своих произведений.

В будущем году в издательстве «Современник» должна выйти повесть Ивана Пузанова «В канун бабьего лета». Иван Ефимович с нетерпением ждал верстку, как всегда, требовательный к себе, готовился отдать на суд читателей свою книгу и волновался не меньше, чем в пору выхода прежних книг — «Зоркие тополя», «Казачата» и других.

Трудовая жизнь Ивана Ефимовича началась в 1947 году. Он работал фельдшером в районной больнице, варил сталь в мартеновском цехе, затем учился в Литературном институте имени Горького в Москве, работал в столичных издательствах. С 1969 года Иван Ефимович в журнале «Огонек», в последнее время возглавлял отдел литературы, был членом редколлегии. Иван Пузанов — член КПСС с 1958 года, был заместителем секретаря партийной организации редакции.

Память об Иване Ефимовиче Пузанове, прекрасном человеке, хорошем, преданном друге, навсегда останется в наших сердцах.

●

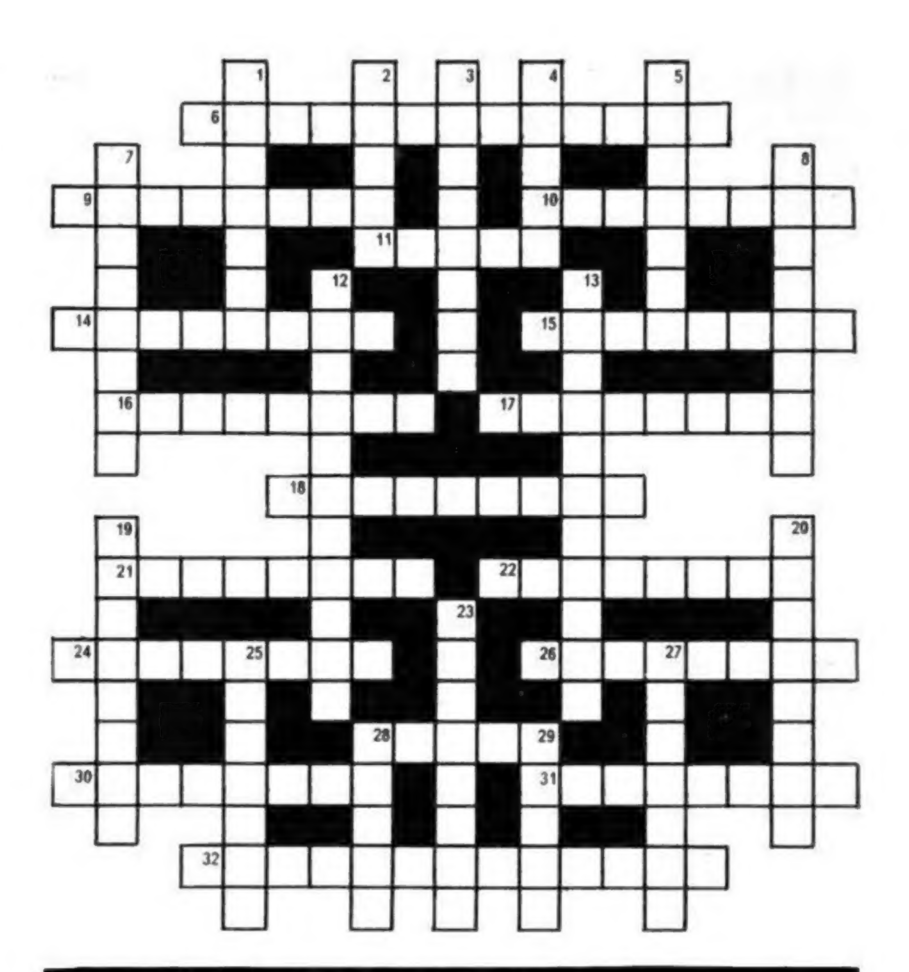
ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

Для стана «3600»

В очерке «Послесловие к празднику», опубликованном в № 28 «Огонька» за 1973 год, шла речь об обеспечении стана «3600» «Азовстали» металлом. Вот что сообщил в редакцию по этому поводу заместитель министра черной металлургии Украинской ССР тов. А. Жигула: «Вопрос об обеспеченности металлом нового стана «3600» ждановского металлургического завода «Азовсталь» имени Орджоникидзе, затронутый в статье, является актуальным и сложным. В Министерстве черной металлургии УССР неоднократно и тщательно обсуждались пути его решения. В мае текущего года руководством министерства утвержден баланс обеспечения указанного стана передельным металлом на 1973—1975 годы за счет поставки слитков и слябов ждановским металлургическим заводом имени Ильича, а также — слябов металлургическими заводами «Запорожсталь» и коммунарским.

Для осуществления намеченного баланса министерством принимаются меры по выполнению ряда организационно-технических мер. На заводе «Запорожсталь» произведена замена главных приводов и станин вертикальной и горизонтальной клетей слябинга. На этом же заводе, а также на заводе имени Ильича будет введено по 3 дополнительных группы нагревательных колодцев. В текущем году на Криворожском металлургическом заводе предусмотрен ввод в эксплуатацию третьего блюминга, с которого будут поставляться слябы металлургическим заводам имени Петровского и Донецкому.

Министерством принимаются также меры по ускорению начала строительства кислородно-конвертерного цеха на заводе «Азовсталь» в текущей пятилетке».

КРОССВОРД

По горизонтали: 6. Высшее учебное заведение. 9. Ярлык, вид товарного знака. 10. Датский писатель, сказочник. 11. Огородное растение. 14. Фламандский картограф XVI века. 15. Элементарная частица. 16. Польский композитор. 17. Птица семейства вороновых. 18. Русская певица. 21. Узор с ритмическим расположением элементов. 22. Резервуар для хранения жидкостей. 24. Сорт яблок. 26. Спортивная игра. 28. Участок земли с искусственным травянистым покровом. 30. Балет Л. Минкуса. 31. Собственноручная надпись. 32. Раздел математики.

По вертикали: 1. Небольшая повесть, рассказ. 2. Нотный знак. 3. Цветок. 4. Сборник географических карт. 5. Областной центр в БССР. 7. Картина В. Г. Перова. 8. Прозрачный водонепроницаемый материал. 12. Роман Л. Н. Толстого. 13. Порт на Тихом океане. 19. Река в Запорожской области. 20. Самопишущий прибор для записи величины атмосферного давления. 23. Народный поэт Дагестана. 25. Музыкальная пьеса, исполняемая в быстром темпе. 27. Химический элемент. 28. Быстрый аллюр. 29. Мелодия, мотив.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 45.

По горизонтали: 3. «Ледоход». 7. Весы. 8. Грон. 10. Профессор. 12. Бамако. 14. Альбом. 16. Бальзак. 18. Баскунчак. 19. Афанасьев. 21. «Арзамас». 22. Колчан. 24. Капрон. 25. Амальгама. 26. Кокс. 28. Плюс. 29. Меринос.

По вертикали: 1. «Весы». 2. «Торг». 4. Ожерелье. 5. Беппо. 6. Домра. 9. Вахтангов. 11. Корректор. 13. Капуста. 15. Лужайка. 16. Бочка. 17. Класс. 20. Гальвани. 23. Навои. 24. Канюк. 27. Снег. 28. Пион.

На первой странице обложки: Полярный Урал. С ним связаны новые надежды геологов.

На последней странице обложки: В детском парке города Ухты.

Фото Г. Копосова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Е. ПУЗАНОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление И. К. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 22/X-73 г. А 00148. Подп. к печ. 6/XI-73 г.
Формат 70 × 108[1]/[16]. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Изд. № 2420. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1290.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

«Огонек» печатает песню. И если имя композитора, написавшего песню для исполнения на гитаре, еще пока ново для наших читателей, то автор стихов, поэт Виктор Боков широко известен.

— В моем сборнике «Лето-мята»,— рассказал нам поэт,— напечатано стихотворение «Луговая рань». Мне хотелось, чтобы оно было положено на музыку,— я и писал это стихотворение как песню, учитывая специфику этого жанра, его особенности. И вот однажды мне позвонил незнакомый человек, назвался Анатолием Шамардиным и спел по телефону «Луговую рань». Он удивил и обрадовал меня. Я увидел, что молодой композитор прекрасно понимает суть песни, ее внутреннее движение и развитие...

ЛУГОВАЯ РАНЬ

Музыка А. ШАМАРДИНА. **Слова В. БОКОВА.**

Луговая рань.
Луговая тишь.
Луговая тень.
Это ты стоишь.

Вся трава в росе.
Вся роса — хрусталь.
На твоем лице
Вижу я печаль.

Ну, зачем она?
Не грусти, мой друг.
Я приду к тебе
На зеленый луг.

Я развею грусть.
Я сниму печаль.
Уведу тебя
В голубую даль.

Луговая рань.
Росы на лугу.
Не грусти, не вянь.
Я тебя люблю.

Цена номера [illegible] коп.
Индекс 70663